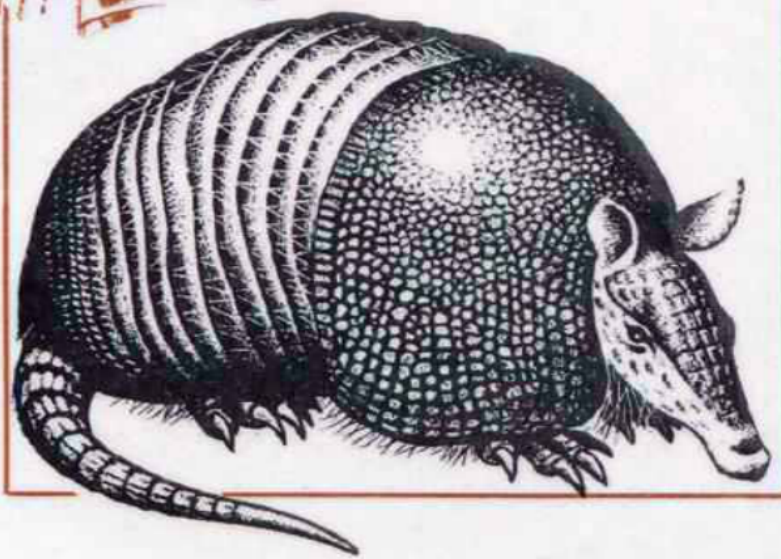
В.П. Краснопевцев

ЧЕЛОВЕК ДАРУЕТ ИМЯ

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В раннем детстве впервые знакомимся мы с представителями удивительного животного мира и на всю жизнь запоминаем их имена: серый волк, мышка-норушка, лисичка-сестричка. Но вот вопрос, почему их так называют, наверняка мало кто из нас задает себе. В самом деле, почему волка зовут волком, а воробья — воробьем? Отчего аргентинцы прозвали птичку «рад тебя видеть»? Соответствуют ли истине такие наименования зверей, птиц, насекомых, как, скажем, «слон», «козодой», «уховертка»? Обо всем этом и многом, многом другом можно узнать в предлагаемой вниманию читателей книге. Автор ее, журналист, увлекательно рассказывает о том, какие свойства, повадки и привычки животных заставляют человека давать им те или иные имена.

- Валентин Павлович Краснопевцев
  - От автора
  - По одежке…
  - Черепаха и геометрия
  - «Спой, светик, не стыдись…»
  - Кукувица, кукачка, кукушка
  - Скажи мне, что ты ешь, — и я скажу, кто ты
  - Под крышей дома своего
  - Зачем кулику под камнями шарить?
  - Видно пташку по полету
  - Счастливый оборвыш
  - Голова, ноги, хвост…
  - Великаны и карлики
  - Вся королевская рать
  - Портниха, садовник, печник и другие
  - С кем поведешься…
  - Свинья с зубами на голове
  - Не назвать ли нам кошку кошкой?
  - «Я назову тебя зоренькой…»
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17

Валентин Павлович Краснопевцев
Человек дарует имя

От автора

Как известно, одних только насекомых обитает на земном шаре свыше миллиона видов. А звери, а птицы, а рыбы? Есть еще простейшие, моллюски, ракообразные, земноводные, пресмыкающиеся! И каждое живое существо надлежит как-то назвать, никого нельзя обделить. Ибо, как гласит народная мудрость, без имени и овца баран…

Родоначальником научной зоологии по праву считается древнегреческий ученый Аристотель, живший с 384 по 322 год до нашей эры. Он описал 454 вида животных и первым сделал попытку создать их систематику. Аристотель ввел в научное обращение понятия вида и рода, хотя и не в нынешнем смысле этих терминов. Интересно, что Аристотелева система животных просуществовала почти неизменной вплоть до XVIII века!

Начало их современной научной классификации положил выдающийся шведский естествоиспытатель Карл Линней (1707–1778). В систематике Линнея было уже не две, а четыре категории: вид, род, отряд и класс. Заслуга шведского ученого и в том, что он впервые сформулировал понятие вида как совокупности организмов, сходных между собою, как сходны дети одних родителей, и способных давать плодовитое потомство. Линней предложил называть каждый вид двумя латинскими словами. Первое из них — имя родовое, второе — видовое. Например, Lepus timidus и Lepus europeus — заяц трусливый и заяц европейский (описанный позднее П. Палласом). Отныне любой зоолог, кто бы он ни был по национальности, прочитав эти международные названия, моментально мог определить, о каком именно животном идет речь.

Однако в быту, беседуя друг с другом, мы не говорим «лепус тимидус» и «лепус еуропеус». Более того, не пользуемся мы и переводом этих зоологических терминов на родной язык. Русские имена звучат иначе и отличаются от латинских по смыслу: заяц-беляк и заяц-русак. Свои собственные, доморощенные названия обоих зайцев существуют и у других народов.

В нашей книге речь пойдет по преимуществу об именах животных, не взятых из научной систематики, а народных, многие из которых дошли до нас как наследство от далеких предков.

И сразу же возникает вопрос: а каким, собственно, принципом руководствовались наши предки, придумывая названия для живых существ? Является ли каждое такое прозвище незначащим набором случайных звуков, или же несет в себе некий конкретный смысл?

Ученые отвергают первое предположение. Все названия животных значащие, утверждают они. и доказывают это, исследуя тот или иной национальный язык. Правда, далеко не всегда смысл обозначения лежит на поверхности. Ведь любой из современных живых языков — явление не неподвижное, а результат длительного исторического развития, в ходе которого иные слова отмирают, выпадая из обихода, и на смену им приходят новые; бывает и так, что древние слова, сохраняясь в языке, утрачивают первоначальный и приобретают новый смысл; происходит также сложное взаимодействие одного языка с другим. Прояснением первоначальных значений слов занимается специальная наука — этимология. В задачу ученых-языковедов как раз и входит докопаться сквозь позднейшие наслоения до первозначений интересующих слов. И лишь после кропотливых сравнительных исследований оказывается, например, что изначальный смысл русского имени зайца — *прыгун*, змеи — *ползающая по земи* (земле), ласточки — *летающая*, лисы — *рыжая*, птицы выпи — *издающая вопли* и так далее.

Сразу нужно оговориться: по поводу происхождения некоторых имен животных среди исследователей нет единодушия. Существует несколько версий, иногда это всего лишь логические догадки, не подкрепленные твердыми доказательствами. А в иных случаях приходится мириться с тем, что первозначение безвозвратно утеряно в толще столетий, и тогда в этимологическом словаре появляется ремарка: «темное слово».

Смысловое различие между национальными названиями животных может быть очень существенным, но бывает и незначительным. Приведем такой пример. Знаменитый французский врач Ален Бомбар, — тот, что в одиночку отважился переплыть на надувной лодке Атлантический океан, — записал в своем путевом дневнике следующее:

«Радость мне принесла красивая птица. Это был до сих пор еще не встречавшийся мне вид. Англичане ее называют «white tailet Tropic bird», что буквально означает «тропический белохвост», у нас, во Франции, ее зовут «хвост соломкой». Представьте себе белую голубку с черным клювом и хохолком на конце хвоста. С самым независимым видом она пользуется этим хвостом как рулем глубины»[1].

Англичане и французы в поисках подходящего прозвища для птицы, не сговариваясь, обратили внимание на ее оригинальный хвост: одни, правда, на его цвет (отсюда *белохвост*), другие — на форму (*хвост соломкой*).

Одно и то же название в родственных языках нередко

используется для обозначения разных животных. Скажем, наше областническое «емуранчик», относимое к тушканчику, в татарском языке обозначает суслика, а в чагатайском — крота, мышь или крысу. Древнерусское «щур» относилось к одной из птиц, тем же словом в русском диалекте именуют земляного червя, а в украинском языке — крысу…

Иногда простое сопоставление национальных имен животного может помочь внимательному исследователю прийти к поучительным выводам.

Известный русский путешественник Г. Е. Грумм-Гржимайло подметил, что «…китайцы, а вместе с ними, как кажется, и киргизы, вообще же весь пришлый в Джунгарии элемент ее населения, и в действительности не различают их (кулана и дикую лошадь. — *В. К.*) между собой». И далее: «Китайцы всех Asinus и Equus przewalskii безразлично называют «ие-ма» или «я-ма», что значит — дикая лошадь;…монголы, называющие Asinus onager — хулан, имеют особое название и для дикой лошади — «такы гурасын». Таким образом, из всех народов Центральной Азии едва ли не у одних только западных монголов (торгоутов) и некоторых алтайских племен существуют различные наименования для этих животных».

И вот логические заключения, вытекающие из вышеизложенного.

Вывод первый. «Не доказывает ли это, что дикая лошадь уже в исторический период не заходила за пределы современного распространения…»

Вывод второй, «…и что из всех кочевников Центральной Азии только западных монголов… можно было бы отнести к коренным обитателям Джунгарии?»

Вывод третий. «Отсюда же явствует, что и все летописные сказания о существовании диких лошадей в Да-цзи и остальной Гоби относятся не к ним, а к диким ослам, населяющим и ныне все эти местности».

Как видим, выводы из простого, казалось бы, наблюдения весьма интересны и значительны.

Пара «осел и лошадь» снова встретится нам, если углубимся в историю древнейших государств Ближнего Востока. «Аншу-кур-ра», *ослом Востока*, окрестили лошадь хетты, и их нетрудно понять. Ослы — и верховые, и пахотные, и вьючные — были уже старожилами Передней Азии, когда в этих краях появилась неведомая прежде домашняя лошадь, во многих отношениях сразу составившая ослу сильнейшую конкуренцию. А пришла она сюда, как то однозначно явствует из прозвища животного, с Востока, точнее, с центральноазиатских нагорий, где впервые

была приручена и одомашнена.

А вот пример того, как имя животного приоткрывает завесу над древними обычаями и верованиями. Тибетское имя дикого яка — «джугмау-яб», *отец хвостов*: предполагают, что ячьи хвосты в старину ценились местным населением как амулеты.

Другой пример уведет нас в область бытовых и хозяйственных потребностей древнего народа. На языке эвенков слова «лодка», «дупло» и «клюв» — родственны. А дятла они называют хиптахири, *делателем лодок*. Считают, что у эвенков это — языковое наследство от более древнего прибайкальского населения. И напрашивается закономерный вывод о том, что первые лодки в этих краях изготовляли по дятловому методу, то есть выдалбливали из цельных древесных стволов.

И наконец, еще одно любопытное наблюдение. Речь пойдет о сороконожке. Во всех европейских странах этих членистоногих именуют либо стоножкой, стоногой, либо тысяченожкой, просто многоножкой, но нигде сороконожкой. Нигде, кроме как в России. Но, правда, и у турок животное тоже *сороконожка*, кыркыйак по-турецки. А все дело в том, что число «40» у народов Востока было непростым, с ним связывались мистические представления. По-видимому, русские переняли особое отношение к этому числу. Мистические покровы с него были при этом в значительной мере сняты, но все же «40» заняло на Руси весьма почетное место: «сороками», например, в старину меряли.

В Толковом словаре русского языка В. И. Даля по этому поводу сказано следующее:

«Сорок, четыредесять, четыре десятка. Встарь считали сороками: первое сорок, другое сорок и пр. По преданию, в Москве 40 сороков церквей (1600), но их только около тысячи… Соболь поныне продается сороками или сорочками…»

Конечно, не случайность — сорокоуст, сорокадневный молебен за упокой души умершего, и сорочины, поминки на сороковой день по смерти.

Интересна история происхождения слова «сорок». Вначале оно обозначало *мешок, рубаху* (сравните — *сорочка*), позднее — мешок с сорока соболями из-за обычая продавать соболей, вкладывая в один мешок именно это количество шкурок, поскольку оно потребно для пошива полной шубы. Еще позже «сорок» стало числительным и легло в основу имени насекомого.

Вот как много интересного могут рассказать имена животных не только о них самих, но также об истории, обычаях, языке того или иного народа.

А теперь поговорим подробнее о различных принципах называния «братьев наших меньших».

Итак, человек дарует имя…

По одежке…

Давно и метко подмечено в народе, что незнакомого человека только провожают по уму, а встречают все-таки в большинстве случаев по одежке. Со своей стороны добавим: и величают тоже. Это когда других особых примет не имеется.

Чтобы не ходить далеко за примерами, вспомним хотя бы всем хорошо знакомую очередь. Как, скажите, в этой очереди ориентироваться, если вдруг понадобится отлучиться на минуту-другую? По одежке, конечно! Для этого ведь вовсе не требуется заглядывать в паспорт впереди стоящего или донимать незнакомого гражданина нетактичными расспросами. Вот и слышится в очереди наперебой: «Я занимала за мужчиной в сером костюме»; «А вы, извиняюсь, где стояли?» — «Я-то? За той девушкой в красной косынке». Не правда ли, очень просто и удобно!

Примерно таким же нехитрым способом поступали зачастую наши предки, когда им доводилось сталкиваться с неведомыми доселе зверем, птицей, рыбой или насекомым и следовало их как-то для распознавания обозначить, отличить от всех прочих. Какого цвета на тебе, дружище, кафтан? Зеленого? А может статься, голубого? Или — белого? Ну так и зовись отныне в полном соответствии со своим одеянием — или *зеленушкой* (есть такие рыба, муха, а также птица семейства вьюрковых), или блювалом (*голубой кит* — в переводе на русский), или *белухой* (один из дельфинов).

Даже в одном семействе можно обнаружить целый цветовой набор. Среди дятлов, например, есть *зеленый, золотой, медный, рыжий, черный*.

Любой из нас, даже сроду не видав рябчика, без раздумий ответит на вопрос о внешности этой лесной птицы: безусловно, *рябой*, на то он и рябчик!

Не должно особенно смущать и «п» вместо «б» в прозвище тезки рябчика — небольшой рыбки ряпушки: изначально она звалась *рябухой* и лишь позднее стала ряпухой (этот вариант сохраняется в диалектах), а затем и ряпушкой.

Взглянув хотя бы мельком на рыбу *головешку*, нетрудно понять, почему она так забавно названа. Рыбина эта и вообще-то темно-бурая, а самец в брачном наряде — почти черный, словно и впрямь обугленный, будто его только что вытащили из отгоревшего костра. Похоже, из одного кострища с головешкой извлекли на свет белый и обезьяну «*закопченного*» *мангобея*, прозванного столь чудно за темно-дымчатый окрас шерсти.

Цветовых имен животных в русском языке — впрочем, как и в языках других народов — гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Объясняется это тем, что многие слова древнего происхождения — самая настоящая тайна за семью печатями для современного человека. Лишь усилиями специалистов-языковедов на эту тайну проливается свет. И тогда мы с изумлением узнаем, к примеру, что первоначальное, замаскированное для нас временем значение имени галки — *черная*. Корень «гал», *черный* (древнерусское название птицы — галица), имеет соответствия в диалектном «галь», *воронье*, а также в сербских словах «галица», *чернушка*, и «галовран», *черный ворон*.

Общеславянское имя лебедя образовано от основы «леб», *белый*, а название леща сопоставляется со словом «лоск» и трактуется как *блестящий* (существует диалектное прилагательное «леский» с соответствующим значением).

Диалекты русского языка приходят на выручку и при определении первоначального смысла имени лисы-плутовки: к правильному выводу могут подвести слова «лисый», *желтоватый*, и «залисеть», *пожелтеть*. Значит, лиса — *желтая* или *рыжая*, в полном соответствии с наиболее популярным фольклорным ее прозвищем.

Самый мелкий зверь из всех хищников — ласка. Сверху она светло-бурая, а снизу — белая или желтоватая. В современном русском языке связь наименования с окраской зверька не ощущается, но значит ли это, что ее вообще не существует? В данном случае на помощь Исследователю приходит «соседний» с русским и потому издревле с ним взаимодействующий латышский язык. В нем и по сегодняшний день сохранилось слово «луосс», *рыжий*. Не здесь ли кроется разгадка русской клички ласки? Используя эту важную языковую зацепку, ученые предположили, что и в древнерусском языке существовало некогда родственное слово «ласа» в том же значении. Если это и в самом деле так, то наша ласка — не кто иная, как *рыжая зверушка* и, значит, прямая тезка лисы. Ну, а уж в том, что юркий хищник удостоен чести прозываться уменьшительно-ласкательным именем — ласка, а не просто ласа, нет никакого секрета: до появления в европейских странах и на Руси, в частности, «импортной» кошки (одомашненной в Древнем Египте) ласка оставалась едва ли не главным, кроме разве приручаемого ужа, помощником людей в борьбе с их исконными неприятелями — грызунами.

Довольно легко угадывается родство по сходному звучанию слов «рысь» и «рыжая».

«Откуда произошло слово *лось*, — писал известный русский

натуралист А. А. Черкасов, — право, не знаю. Уж не потому ли, что сохатый, имея гладкую, короткую и жесткую шерсть, на которой бывает заметен какой-то особенный лоск, — «лоснет», «лоснится».

Предположение натуралиста опровергают ученые-языковеды. Ничего подобного, утверждают они. Самым старым значением слова «лось» было *рыже-бурый*. Мало того: после кропотливых исследований и сопоставлений ученые пришли к единодушному выводу о том, что и «лань», и «олень» — очень близкие по значению русские клички разных животных из одной компании с тем же «лосем». В качестве общей для всех имен основы мыслится предположительное «олсь», давшее неоднотипные перегласовки.

Название белки хотя и кажется попервости прозрачным — конечно, от *белый!* — тем не менее способно поставить в тупик. Ведь наша белка окрашена в рыжий либо серый цвета с различными их оттенками, так при чем же здесь белизна? Парадокс заключается в том, что нынешнее название животного связано происхождением с прилагательным «бела», поначалу соседствовавшим с более древним именем зверька — веверица. Так случилось, что очень редко встречавшаяся в природе «бела веверица», то есть *белая белка*, стала родоначальницей нового, сокращенного имени для всех своих рыжих и серых сестер!

Если хорошенько вслушаться в звучание двух слов — «бобр» и «бурый», то и без специального исследования можно заподозрить определенное их родство. «Правильно! — рассеют последние сомнения языковеды. — Первоначальным значением имени пушного зверя как раз и было *бурый*». В отличие от случая с белкой здесь и сомневаться-то особо не приходится: ведь окрас бобров если и разнится у отдельных особей, то лишь в самых скромных пределах — от светло-коричневого до почти черного цвета. Имеются и убедительные соответствия в балтийских языках: литовское «бебрас», латышское «бебрс» и древнепрусское «бебрус» с точно таким же значением.

Совершенно так же, как «бобр» и «бурый», рядом друг с дружкой стоят и два других слова: «соловей» и «соловый». Последнее сохранилось в русском языке для обозначения особой масти лошадей, а именно — *желтоватой*. Ну а звонкоголосая птичка, доставляющая нам по весне столько удовольствия своими трелями, тоже оливково-бурая.

Поставив в один ряд слова «сойка» — «сиять», затруднительно распознать, что они родственны. Задача облегчается, если восстановить пропущенное звено, вклинив в словесную пару гипотетическое «соя». Вероятно, лесная птица, очень нарядно и разнообразно окрашенная, получила свое

название по так называемым «зеркальцам» — ярко-голубым пятнам у самого сгиба крыла.

Под вопросом оставил предположительные значения имени сороки В. И. Даль: он не решился отдать предпочтение ни основе «стрекотать», ни основе «строкатный, пестрый». И на ту, и на другую версию работает приводимая в его словаре загадка: «Бел как снег, зелен как лук, черен как жук, повертка в лес, а поет как бес».

Если все же сорока — именно *пестрая*, то тезкой ее надо будет признать соболя, чье имя считают родственным древнеиндийскому «сабалас», *пестрый, пятнистый*. Пестрота зверька, конечно, относительна, но в то же время знатоки собольего меха могли усмотреть ее и в том хотя бы, что очень густой и пушистый зимний мех соболя бывает и черно-бурого цвета, и более светлых тонов, а на горле и на груди просвечивает желтое пятнышко.

Имя каракурта — черного паука с красными точками на брюшке, распространенного у нас в Крыму и на Кавказе, а также в пустынях Средней Азии, — так и переводится с тюркского: *черное насекомое*. Каракурт очень ядовит. Его яд в 15 раз сильнее, чем яд пользующейся недоброй славой гремучей змеи. Не менее ядовит и американский родич каракурта, получивший у себя на родине выразительное прозвище — *черная вдова*.

Название барсука тоже заимствовано русскими у тюркских народов: у них «барсук» означает *серый зверь* («бурсык» у татар, «борсук» у казахов и т. д.). Современная форма русского имени зверя — результат закрепления на письме аканья.

Тюркского происхождения и название одного из коршунов, сарыча: оно означает *желтый*. Та же основа легко просматривается в имени саранчи. Между прочим, у древних славян это насекомое именовалось «пруг» — производное от глагола *прыгать*.

Мышь, муха и мошка — в этимологическом отношении родственны: все они — *серые*. Правда, что касается мыши, то ее имя связывают еще с древнеиндийским «мушати», *ворует*. Так что, может быть, докучный для человека грызун — *воровка*?

Любопытную картину нарисовал в одном из очерков писатель-натуралист И. Соколов-Микитов, посетив ленкоранское побережье Каспия:

«Огибая заросшие камышом берега, мы еще долго плыли серединою наполненного птицею зеркального широкого залива. Дождливое зимнее небо низко нависло над окружавшими залив камышами. Как бы обещая хорошую погоду, на горизонте, казалось, алела полоска розовой зари.

— Посмотрите, это сидят на отмели фламинго! — разглядывая полоску необыкновенной «зари», сказал наш спутник.

То, что на первый взгляд показалось розовой полоской зари, на самом деле было огромным скоплением розовых птиц — фламинго».

И действительно, окраска оперения экзотических для северного жителя птиц необычайна: от нежно-розового до почти красного, лишь концы крыльев — черные. И не случайно писатель принял издали стаю птиц за розовую полоску зари. Их русское имя берет начало от португальского «фламингос», то есть *пламя. Пламенная птица* — согласитесь, имя и точное, и красивое!

А теперь обратимся к аргентинским впечатлениям известного английского писателя и натуралиста Джеральда Даррелла:

«На этих травянистых полях можно было увидеть множество… небольших птичек величиной с воробья, с глянцевито-черными спинками и ослепительно белыми грудкой и шейкой. Они сидели на ветках и стволах мертвых деревьев, время от времени взмывали в воздух, хватали на лету насекомых и возвращались на место; их грудки сверкали на фоне травы, словно падающие звезды. Местные жители называли их flor blanca — *белые цветы*, и это прозвище очень подходило к ним. Мы видели целые поля этих летающих цветов; птички вспархивали и устремлялись к земле, и их грудки сверкали ослепительной белизной, которую можно сравнить разве что с блеском солнца на воде».

Как легко убедиться из этого поэтичного описания, не обязательно цвет всего «платья», но также и белая «манишка» (а с таким же успехом — красный «берет», черный «галстук», вообще любая другая приметная деталь туалета) вполне может послужить отличительным признаком живого существа в глазах наблюдательного человека.

На груди и горле у каменной куницы — большое белое пятно. Значит, мы имеем дело с *белодушкой* (вспомните старинное «душегрейка»). У одного из дельфинов светлые живот и бока резко контрастируют с темноокрашенной спиной. Как его зовут? Разумеется, *белобочка*! У птички *горихвостки* — действительно огненно-красный, словно бы подожженный хвост, а у *лесных малиновок* — красная грудка (их еще называют по той же причине *зарянками*). Если у встреченной змеи то место, которое принято называть подбородком, окрашено в ярко-желтый цвет — смело можно утверждать, что перед нами *желтая борода*[2].

Симпатичный зверек *перевязка* получил свою далеко не ординарную кличку потому, что темную его мордочку

окантовывают две белесые поперечные черточки-полоски — ни дать ни взять наложенная руками опытного хирурга медицинская повязка.

Не приходится ломать голову над разгадкой имени безногой ящерицы *желтопузика*. А вот у птицы *лысухи* лысина не натуральная, а бутафорская: впечатление плешины производит белое пятно на ее лбу, хорошо заметное на фоне общей однообразно-черноватой окраски оперения.

Казахская и монгольская клички антилопы джейрана — соответственно кара-куйрюк и хара-сульте — в переводе на русский язык оказываются равнозначными: *черный хвост*.

Хлопковый рот — так не без юмора окрестили водяного щитомордника жители Юго-Востока США. Если эту змею напугать, она в мгновение ока сворачивается в тугое кольцо, высоко поднимает переднюю часть туловища и в свою очередь пытается устрашить противника, то и дело разевая во всю ширь пасть, совершенно белую изнутри.

Не откажешь в остроумии и тем, кто придумал кличку — *кролик-ватный хвост*. Этот кролик — обладатель короткого и округлого хвоста, белого с боков и снизу.

Среди животных имеются такие, которые раскрашены с удивительной щедростью. У *цветного бекаса*, например, тона расцветки — серовато-бурый, беловатый, охристый и черный. У самца вдобавок вокруг глаза желтое колечко, а у самки — белое, окаймленное черным.

На зависть нынешним модникам, питающим особенное пристрастие к вельвету, «разодеты» обитающие на Мадагаскаре птицы *вельветовые филипитты*. У самца общий тон оперения бархатно-черный, а у самки — оливково-зеленый.

Особым изяществом туалета отличается африканская обезьяна с обескураживающим названием — *гвереца с мантильей*. Сама она глянцево-черная, а белая оторочка начинается узкой надбровной полосой и далее продолжается на щеках, шее, плечах, бедрах и на хвосте. Она-то и играет роль мантильи — старинной испанской кружевной накидки.

И все же из большой компании наиболее нарядных представителей животного мира по богатству своего «гардероба» никто не может сравниться с другой обезьяной — немейским тонкотелом.

Ее неспроста называют еще *одетой обезьяной*. «Костюм» немейского тонкотела поражает полнотой и изысканностью. Верхняя поверхность тела обезьяны и бока — серые: чем, скажите, не фрак! Хвост и треугольное пятно под ним — белые, они создают впечатление разреза на фраке. Шея, грудь, плечи,

верхняя часть передних и задних конечностей — черные: немного фантазии — и можно усмотреть жилетку и брюки. На руках у немейского тонкотела — белые «перчатки», на ногах — красноватые «носки». И в довершение столь разнообразного и пышного одеяния — красная полоса, идущая, подобно шарфу или орденской ленте, по верхней части груди в направлении к плечам. Лицо — оголенное, желтое, такого же цвета ладони, подошвы и седалищные мозоли, а щечные пучки волос — бакенбарды — белые. Немейский тонкотел в самом деле выглядит одетым, и не как-нибудь, а даже франтовато. Отсюда еще одно его название — *обезьяна-герцог*.

Отдельно надо сказать о лососе и белуге. Эти две рыбы хотя и носят цветовые прозвища, но отнюдь не по внешним приметам. Тело благородного лосося, к примеру, покрывает мелкая серебристая чешуя, между тем как название рыбы означает *красный*. Чем же тогда объяснить путаницу с именем? А суть заключена в том, что оно дано рыбе по красному цвету… ее мяса.

Белуга примечательна тем, что относится к числу долгожителей животного царства: она может достигать возраста 100 лет, а нередко и большего. Отличается белуга и своими солидными габаритами: длина 4,2 метра, вес до 1 тонны. Ирония судьбы такова, что ни один из этих наиболее впечатляющих отличительных признаков не стал основой русской клички рыбы. А названа белуга опять же по цвету мяса, то есть по мотивам скорее гастрономического свойства… Несколько отступая от темы главы, поясним, что и треску треской тоже назвали после того, как, выловив в море, начали заготавливать впрок в качестве пищевого продукта: мясо этой рыбы имеет ту особенность, что при сушке расщепляется на отдельные волокна, чем напоминает структуру дерева. Отсюда название: в старину, как утверждают лингвисты, слово «треска» значило *щепка, кол, жердь*. Здесь уместно припомнить однокоренное «трескаться». Любопытно, что и немцы именуют треску по аналогичному признаку, у них она — шток-фиш, *рыба-палка*.

Но вернемся к нашей теме.

По цветовому признаку различают обезьян гвенонов[3]: один их подвид — *голуболицые*, другой — *белоносые*.

Если голубой цвет лица гвенона — характеристика вполне надежная, устойчивая, то этого никак нельзя сказать о тибетском макаке. Он бывает голуболицым лишь в холодную, ненастную погоду, а в теплую, погожую — меняет окраску лица на красную! Странная манера, не правда ли? А отсюда следует, что и собственным глазам не всякий раз можно доверяться безоговорочно.

Удивительным талантом изменять окраску тела наделены многие рыбы и другие обитатели морских вод, например осьминоги. Однако в столь хитром искусстве всех заткнул за пояс хамелеон.

Этот фокусник обладает фантастической способностью последовательно становиться то почти белым, то оранжевым, а то еще — желтым, зеленым, пурпурным, коричневым и так вплоть до густейшего черного. Вытворяет все это ящерица под воздействием внешних раздражителей — изменений температуры окружающего воздуха, освещенности, влажности, но не только! Животное меняет окраску и тогда, когда испытывает голод или жажду, какое-либо недомогание, испуг. В спокойном же состоянии окраска хамелеона гармонирует с окружающим фоном местности.

Вот каким необычайным талантом одарила одно из своих созданий мать-природа. И не случайно древние дали ящерице имя мифического существа, умевшего менять облик по собственному хотению. А могло быть и так, что сам миф родился не без влияния наблюдений за хамелеоном.

Бабочка *изменчивая пестрокрыльница* способностями хамелеона не обладает. Определение «изменчивая» она заслужила по другой причине, пожалуй, не менее примечательной: по-разному окрашены два поколения этого насекомого, весеннее и летнее. У пестрокрыльниц, отправляющихся в свой первый полет весной, крылышки рыжевато-красные с черным рисунком и белыми пятнами; у летних — буровато-черные с белыми или желтовато-белыми пятнами. Так что не будучи посвященным в тайну изменчивой пестрокрыльницы, немудрено счесть две ее особи разных поколений принадлежащими к совершенно разным видам!

Черепаха и геометрия

Название этой главы может, пожалуй, вызвать недоумение. В самом деле: какая связь между определенно не обладающей математическими способностями черепахой и треугольниками, ромбами, перпендикулярами да биссектрисами?

И тем не менее связь существует. Ведь многие животные не только могут похвастать разноцветьем своей «одежки», но и украшены рисунками, узорами, порою целым набором геометрических фигур. Характернейшим примером как раз и может послужить черепаха, именуемая *геометрической*.

Странным, на первый взгляд, названием рептилия обязана тому, что роговые щитки ее сплошь разрисованы светлыми радиальными линиями. Нужно быть искусным чертежником, чтобы в точности скопировать образующийся сложный орнамент. (Кстати, среди всего многообразия живущих на свете черепах существует не только геометрическая, но и *географическая*, у которой сетчатый светлый рисунок на темно-оливковом фоне панциря напоминает географическую карту.)

У мадагаскарской *лучистой черепахи*, достигающей в длину полуметра, черный панцирь эффектно украшен ярко-желтыми лучиками. Они расходятся либо из центра, либо от угла каждого из многочисленных щитков.

Южноамериканская квакша отличается оригинальной серебристой либо золотистой фигурой, «нарисованной» на спине каштанового цвета. Фигура эта состоит из двух правильных треугольников, соединенных между собой широкими полосами. Первый треугольник расположен перед глазами квакши и направлен вершиной к кончику лягушачьей морды, а второй, большего размера, находится на спине и вершиной обращен назад.

Причудливо разрисованы многие питоны. Характер рисунка на основном фоне тела змей хорошо отражают их прозвища: *сетчатый, ромбический, кольчатый, иероглифический питоны, ковровая змея*.

Второе имя индийской кобры — *очковая змея*. «Очки» расположены у нее на задней стороне шеи и становятся особенно хорошо различимыми, когда кобра принимает характерную для нее оборонительную позу. Фальшивые глаза нередко отпугивают хищника, если он вздумает забежать с тыла, — так, змея заботится о своей безопасности, ведь в этом случае она теряет возможность использовать грозное оружие — яд. «Очки» представляют собой два крупных темных пятна, отороченных

белыми кругами и соединенных обращенной книзу светлой дужкой. Впрочем, бывают и одноочковые змеи, и такие подвиды — как, например, наша среднеазиатская кобра, — которые «очков» вообще не носят.

У бабочки *шашечницы* крылышки клетчатые, как шашечная доска, хоть сейчас расставляй на ней фигуры для игры! Иллюзия усугубляется раскраской клеток — они оранжевые и черные.

Можно выделить целую компанию крестоносцев, первым из которых следует, вероятно, назвать всем нам хорошо знакомого *паука-крестовика*. На его буроватой спинке отчетливо выделяется белый крестик. Крестообразным темным рисунком на надкрыльях украшен жук *кузька-крестоносец*. Похож на крест и рисунок на красновато-серой спине *крестоносной лягушки*: он берет начало в промежутке между глазами лягушки и заканчивается чуть позади ее плеч. Лягушкин крест имеет характерную особенность: он изменчив. Временами рисунок заметно сужается, становясь оттого контрастнее и в то же время местами просто сходя на нет, а после вновь восстанавливается в прежнем объеме и тональности. У обитающей в западном Закавказье *кавказской крестовки* крест — исключительная монополия самцов. И кроме того, он — временный, сезонный. После линьки в конце брачного периода меняется окраска самца, и на его спине постепенно проявляется светлый контур косо положенного креста. У этой лягушки есть заграничные родственницы во Франции, Италии, Португалии и Испании. Их именуют *пятнистыми крестовками*.

Рисунки могут быть различными, в том числе и не слишком приятными, на наш, человеческий, взгляд. Это относится в первую очередь к бабочке с пугающим названием — *мертвая голова*. Она распространена в Европе, Средней и Западной Азии, Северной Африке. Тело бабочки окрашено в желтый и черный цвета, а на грудке расположен рисунок, поразительно напоминающий череп. *Мертвыми головами* именуют также и саймири, или беличьих обезьян. Обезьянки эти и в самом деле не больше нашей белки. Белые пучки ушных волос в сочетании с белыми же кругами вокруг глаз на фоне черной мордочки создают впечатление некой неестественной маски.

Некоторые животные претендуют на высокое звание коронованных особ. Такова, например, *диадемовая черепаха*, распространенная в бассейнах индийских рек Инда, Ганга и Брахмапутры. Рисунок из светло-желтых полос на ее голове напоминает диадему — драгоценное женское украшение в виде короны.

Носит корону и *королевская квакша*. О головном уборе самодержцев напоминает v-образное пятно, расположенное

между глазами лягушки. Зачастую изображения букв на спинах, боках, головах, шеях или крыльях животных настолько правильны, что можно подумать — животные познакомились с азбукой задолго до человека. Бабочка *совка-гамма* названа так потому, что золотистые пятна на ее буроватых передних крыльях походят на очертания греческой буквы «гамма».

Еще более мудреное имя носит другая бабочка. Во-первых, она — *углокрыльница*, что сразу же указывает на ее прямую причастность все к той же геометрии. Во-вторых, на серо-бурых задних крылышках бабочки отчетливо выделяется белоцветная буква «С». Полный титул модницы — *углокрыльница С-белое*. Не слишком удобопроизносимо, зато сколько подробностей разом заключено в этом развернутом имени!

Что касается букв на крыльях бабочек, то более всех мог бы поведать о них американский фотограф К. Сандвед. Ведь он на протяжении 15 лет неустанно занимался поисками «грамотных» чешуекрылых, после чего с фактами в руках доказал: на крыльях разных бабочек можно найти весь латинский алфавит и многие греческие буквы в придачу. Мало того, насекомые демонстрируют все цифры от нуля до девяти, а также различные их сочетания. Одну бразильскую бабочку, например, природа-выдумщица пронумеровала цифрой «80». И все знаки препинания тоже можно отыскать, если внимательно ознакомиться с обширной мировой коллекцией чешуекрылых.

Понятно, что цифры и буквы на крыльях бабочек небесполезны для них, они служат наряду с ничего не напоминающими нам другими линиями и пятнами для маскировки насекомых от их природных врагов среди цветов и листвы, теней и солнечных бликов.

«Спой, светик, не стыдись…»

В 20-х годах прошлого столетия европейцы неожиданно узнали о существовании во внутренних лесистых районах Суматры группы племен кубу. Это были люди, нимало не затронутые цивилизацией и всем своим жизненным укладом тесно связанные с окружающей девственной природой.

Для нас представляет определенный интерес сделанная путешественником В. Фольцем запись одной из его доверительных бесед с представителем племени «диких» лесных кубу.

— Доводилось ли тебе, — поинтересовался любознательный европеец, — отправляться ночью в лес в одиночестве?

— Конечно, и очень часто, — ответил туземец.

— Слыхал ли ты там какие-нибудь стоны и вздохи? — продолжал расспрашивать Фольц.

— Да, приходилось.

— И что же ты об этом подумал?

— Что трещит дерево.

— А не слышал ли ты криков в ночном лесу? — допытывался настойчивый путешественник.

— Да, слыхал.

— Что ты подумал?

— Что кричит лесной зверь.

— А всегда ли ты знаешь, какой зверь кричит?

— Я знаю все звериные голоса! — с уверенностью, не оставляющей места сомнению, ответил кубу.

Как видим, попытки «напугать» туземца, вынудить его признаться в страхах, испытываемых в ночных джунглях да еще в полном одиночестве, оказались безуспешными. Кубу прекрасно различали голоса всех зверей и птиц, обитающих в округе, и это помогало им не только не пугаться, но и свободно ориентироваться.

Чем дальше в глубь веков, тем ближе стоял человек к природе. И именно от тех стародавних времен получили мы в наследство подавляющее большинство привычных нашему слуху названий животных, прямо и непосредственно связанных с их характерными выкриками, ревом, пением, свистом, гудением или жужжанием.

Лес, поле, луг, холмы и овраги — вся природа, окружающая нас, наполнена звучанием. Поют птицы, стрекочут или жужжат насекомые, кричат на разные голоса звери. Даже многие рыбы, которых долгое время считали абсолютно безмолвными, —

вспомним хотя бы поговорку: нем как рыба, — способны издавать различные звуки, иногда даже очень громкие.

Так, хорошо знакомый любителям посидеть на речном бережку с удочкой пескарь получил свою кличку совсем не потому, что предпочитает места в реке с песчаным дном. Намек на разгадку содержится в первоначальном имени рыбы, точнее, в форме его: пискарь. Этимологи подтверждают предположение: да, пескарь — *пискун*, кличка его происходит от слова «писк». Когда эту рыбу берут в руки, она издает характерный писк.

В числе других «озвученных» рыб встречаем *свистулек* и *ворчунов*, или *хрюкальщиков*; короткие резкие звуки, похожие на хрюканье свиньи, способны издавать и *морские петухи*. Наиболее точное представление об их голосе можно получить, проведя пальцами по надутому воздушному шару.

По звучанию названы также многие насекомые. О пчеле в Толковом словаре русского языка В. И. Даля сказано следующее: «Пчела (бчела, бжела, от жужжать, бучать)». Украинцы и по сию пору называют это насекомое — бжола. Предполагается, что имя пчелы происходит от общеславянской основы «бучати» — *гудеть* или *реветь*.

Совершив этот лингвистический экскурс в далекое прошлое, можно заподозрить, что имена столь несхожих живых существ, как пчела и бык, находятся в прямом родстве. Ведь в старочешском языке, например, существовало слово «быкати», что значило *реветь*. Поэтому наш бык — *ревун*.

Но вернемся к насекомым. В русском языке всякое мелкое насекомое независимо от его вида именуется букашкой. Слово это — уменьшительное от старинного «букаш», которое, в свою очередь, восходит к «бук» — *глухой звук, жужжание* (сравните с подобными по структуре и значению — «зык», сохраняющимся в «зычный», а также «крик»). Получается, таким образом, что и бык, и пчела, и любая букашка — родственники в этимологическом отношении.

Поскольку мы остановились на случаях родственных взаимоотношений, нельзя не сказать о комаре и шмеле. Сближает их та же этимология кличек. Праславянское «чмель» — «шмель» связано чередованием гласных с «комар» и родственно литовскому «киминти» — *делать голос хриплым, глухим*.

В народных говорах у нас и теперь еще сохраняется старинный глагол «сверчать», от которого пошло имя сверчка, *стрекотуна*. «Сверчек, сверч, пек. сверш. стар, циркун, цвиркун, цирюкан, — читаем у В. И. Даля, — насекомое, которое сверчит, свиристит, цирюкает, потирает жесткие надкрыльники свои о зубчатые ножки».

Среди насекомых есть держатели «патентов» на звуковые изобретения, отличающие их от сородичей. Так, большинство жуков издает в полете жужжание, возникающее в результате вибрации крылышек. А вот для *жуков-щелкунов* характерен сухой щелчок, причем лишь тогда, когда жук оказывается лежащим в очень неудобном положении — на спине. Щелкуну непременно нужно перевернуться, но как это сделать? Он сначала выгибается, и при этом отросток на груди его выходит из особой ямки и упирается в ее край. После этого щелкун резко сгибается, отросток соскакивает с упора, и от сильного толчка жук подпрыгивает над поверхностью земли, чаще всего приземляясь уже на ноги. Если же первая попытка окончится неудачей, упорный жук все равно не прекратит своих стараний, покуда не добьется цели.

Как кричат обычные в наших краях лягушки, знают все, и не случайно в русских народных сказках они с завидным постоянством именуются квакушками. По большей части разница в кваканье различных видов этих земноводных сводится лишь к степени громкости. Одна из американских родственниц наших лягушек так и прозвана — *крикливая лягушка*. Но вот *квакша-кузнец*, родина которой — Бразилия и север Аргентины, кричит так, словно сильно ударяет молотком по медному подносу. А крик *свистящей квакши*, что родом из Северной Америки, и в самом деле более всего похож на свист. Голосом, напоминающим свист, которым охотник обычно подзывает собаку, отличаются *жабы-свистуны*.

Отнюдь не безголосы и ящерицы — *пискливый гекконч*ик[4], например. Он довольно широко распространен у нас в Средней Азии и в Казахстане.

Змеи известны тем, что в минуту грозящей опасности издают более или менее громкое шипение. Однако лишь в кличке одной из них запечатлена эта особенность. *Шумящая гадюка*, сильно раздувая туловище, шипит очень громко и угрожающе.

Особым «музыкальным инструментом» обладают *змеи гремучие*, или *гремучники*. Это так называемая погремушка (ее называют также трещоткой), расположенная на конце змеиного хвоста. Звук ее может быть услышан человеком на расстоянии до тридцати метров. Считают, что он похож на стрекотание узкопленочного кинопроектора…

Велико разнообразие звуковых сигналов у млекопитающих. О быке уже говорилось. От старославянского слова «сусати» — *шипеть* происходит русская кличка суслика. Правда, в действительности суслик не шипит, а свистит. Но, возможно, наши предай хотели таким способом отличить его от сурка,

который точно так же при тревоге издает пронзительный свист, перед тем как укрыться в спасительной норе. *Свистун* — было первоначальное, чисто русское имя сурка, но не могли же сосуществовать в одном языке одновременно два различных свистуна! Позднее русские переняли для второго зверька тюркское имя «суур», *тот, кто посвистывает* (так его называют, к примеру, киргизы), и превратили его в нынешнее — сурок.

А *пищуха*, как явствует из самого прозвища, пищит. Тут следует пояснить, что речь может на равных основаниях идти и о пищухе — грызуне[5] и о пищухе — птице.

За несколько километров слышны «концерты» обезьян *ревунов*, которые они устраивают, рассевшись на вершинах деревьев, стоящих поблизости одно от другого. Обитают ревуны в высокогорных лесах Центральной и Южной Америки. У этих шумных обезьян имеются особые гортанные мешки под нижней челюстью. Они играют роль резонаторов, сильно увеличивающих громкость издаваемых звуков. Интересно, что ревуны могут имитировать и хрюканье свиньи, и рев ягуара, и голоса других животных.

Древние мифы красочно повествовали о том, что в морских просторах обитают прекрасные женщины с рыбьими хвостами и изумительно мелодичными голосами — сирены. Их пение будто бы завораживало моряков до такой степени, что они впадали в безумие и безоглядно шли за красавицами в гибельную морскую пучину.

Справедливо говорится, что не бывает дыма без огня. Фактической основой для подобных легенд послужило существование морских млекопитающих из отряда, который носит имя мифических русалок. Издали самки этих древних и очень своеобразных животных, прижимающие ластами к груди кормящихся детенышей, на самом деле поразительно напоминают женщин, стоящих по пояс в воде с младенцами на руках. Правда, если говорить об их «пении», то оно не идет дальше звуков, похожих на чихание: их великовозрастные сирены издают при выдохе, а более юные вдобавок к чиханию еще и попискивают.

Петушиное кукареканье, несмотря на его однообразие, настолько характерно, что обойти его вниманием наши предки, как видно, просто не могли. В древности звонкое «ку-ка-ре-ку!» наделяли даже магическими свойствами, веря, будто оно прогоняет злых ночных духов. Русское имя горластой птицы происходит от слова «петь»: старинным названием было «пет», старославянская форма — «петел». Сербы и хорваты именуют петуха — певац. Но самым пышным титулом наградили его

французы: шантеклер, то есть *певец утренней зари*.

Куда более скромная подружка задиристого и чопорного красавца петуха, кудахтанье которой никогда не будило человеческое воображение, тем не менее тоже *крикунья* или *певунья*. Дело в том, что более старым прозвищем голенастого франта было именно «кур» с тем же значением, что и «пет». Позднее оно перешло в исключительное владение хохлатки, видоизменившись в соответствии с требованиями женского рода.

Древнерусское «щекотати» значило *петь*: от этого слова производят название щегла. Любопытно, что по аналогии с этой нарядной птицей, в свою очередь, назван человек, любящий одеваться с особым изяществом, — щеголь. (Впрочем, и в самом животном мире есть свой *щеголь* — так кличут крупного кулика, который «переодевается» несколько раз в зависимости от сезона.)

Пискливый крик характерен для одного из гусей, которого так и зовут — *пискулька*. У *лебедя-кликуна* голос трубный, очень далеко слышимый, а *лебедь-шипун*, находясь в раздражении, шипит по-змеиному. Разницу в голосах уток *чирка-свистунка* и *чирка-трескунка* хорошо передают их клички.

Предполагают, что первоначальным значением русского прозвища журавля было *курлыка* или *крикун*. Его сопоставляют с древнеиндийским «жарате», *поет, зовет*, и древневерхненемецким «керран», *кричать*.

Имя хищной птицы канюка производят от несохранившегося «кан», что означало *звук, крик*. Лежащее в основе клички кречета древнее общеславянское «крек» означало *хриплый крик*. Свиристель — от «свирест», *визг, свист*. Сова и сыч — тезки, их имена производят от слова «сыкать», *шипеть*. Русское имя филина (в диалектах сохраняется форма «квилин») восходит к «квилити», *плакать*. *Варакушка* — от родственного *ворковать*. Общее название для мелких птичек (припомним букашку!) — пичуга. Оно является суффиксальным производным от глагола «пикать», *пищать*.

На два — три километра разносятся трубные крики ночной птицы *выпи*. Название ее восходит к той же древней основе, что и в словах «вопль», «вопить». Голос у птицы настолько громок (в передаче — «у-трумб»), что его даже сравнивают с ревом быка, и потому на Украине птицу именуют *бугаем*.

Механизм странного крика выпи был разгадан сравнительно недавно. Прежде считалось, что вначале птица ударяет клювом по воде и с жадностью вбирает в себя влагу (повторяющийся звук «у-у»); затем забрасывает клюв аж за спину, резко опускает голову в водоем и освобождает клюв от набранной воды (глубокие басовые звуки).

Теперь выяснено, что для своего крика выпи не нужно набирать воду. Стоя в типичной позе — с задранным вертикально клювом, она затем роняет голову на грудь и быстро возвращается в исходное положение. Эти действия повторяются 5–6 раз кряду, причем горло птицы при этом сильно раздувается, образуя похожий на мешочек выступ величиною с кулак.

Специальное акустическое приспособление имеется и у американского лугового тетерева. Это подкожные мешки, которые сообщаются с дыхательным горлом. В пору весеннего токования луговой тетерев надувает эти мешки и издает звуки, удивительно схожие с барабанной дробью. Отсюда местное название птицы — *барабанщик любви*.

Птицы котинги населяют леса Америки и отличаются имеющимися на голове уникальными выростами, «усами», причем есть котинги одноусые, а есть и трехусые. Чаще всего котинги издают взвизги и карканье, но иногда от них можно услышать и приятные звуки, напоминающие звон колокольчика. Вероятно, поэтому один из видов получил имя — *звонарь*, хотя его представители как раз и не отличаются музыкальностью, а специализируются на гнусавых выкриках…

Красноногая говорушка — такое имя носит птица, обитающая на островах Берингова моря. По-видимому, оно навеяно поведением птиц во время их брачных игр. Представьте себе самца и самку, ставших друг перед другом. Они то поднимают, то опускают или вытягивают шеи, широко раскрывают клювы, взмахивают время от времени крыльями и без конца кричат — точь-в-точь две кумушки, тараторящие без умолку…

Птица семейства крапивников — *бразильский органист* обладает голосом, имитирующим напеваемую человеком песню. Одновременно в ней можно расслышать звуки, характерные для флейты.

Ворона-органист проживает на острове Тасмания. Слушая ее пение, можно всерьез поверить, что играет настоящий орган. Эта птица интересна еще и тем, что легко приручается и в неволе ее выучивают насвистывать различные мотивы.

Само за себя говорит имя *пересмешника многоголосого*. Пересмешнику мало того, что сам он — превосходный певец. Он обладает еще и выдающимся талантом передразнивать и охотно им пользуется. Услышит голос другой птицы, или крик зверя, или даже чисто технический шум, свист, шипение, гудение, треск — и моментально воспроизведет, не упуская при этом наиболее характерных интонаций.

Но даже и пересмешник при всем богатстве своего музыкального репертуара навряд ли перещеголял обитающую в

Гватемале птичку ростом с нашего воробья — тесонтле, *птицу четырехсот голосов!*

Кукувица, кукачка, кукушка

Вспомним знакомого нам по предыдущей главе жителя лесных дебрей острова Суматры — «дикаря» кубу, так хорошо различающего голоса зверей и птиц во всем их многообразии. Если бы, однако, предложить ему изобразить все эти знакомые с детства голоса — такая задача даже для кубу наверняка оказалась бы весьма затруднительной, а то и вовсе непосильной. То, что это действительно не просто, может проверить на себе любой, кто ни пожелает.

Но, положим, сделать это удалось. Имитация, разумеется, будет весьма далека от подлинного звучания. И вот что еще интересно: несколько человек воспроизведут один и тот же звук — крик той или иной птицы либо зверя, каждый по-своему, с неизбежными индивидуальными отклонениями. А что уж говорить о людях разных национальностей, испытывающих влияние фонетических законов родных языков!

Итак, слышимые нами звуки поддаются лишь очень приблизительному воспроизведению в человеческой речи. Этим объясняется масса разночтений в языках различных народностей, что весьма убедительно показал на конкретном примере Лев Успенский в занимательной книге «Слово о словах». Так, пишет он, мы — русские воспринимаем крик домашней утки как «кря-кря». С точки зрения (то бишь слуха) француза, та же птица произносит нечто иное, а именно «куэн-куэн». Датчанин же абсолютно убежден, что слышит в голосе утки «раб-раб». В переводе румына утиное кряканье будет выглядеть, как «мак-мак». Ну и так далее. А теперь скажите сами — много ли сходства между перечисленными транскрипциями утиного крика?..

Весь этот ученый разговор затеян нами не случайно. Он имеет непосредственное отношение к нашей теме. Ведь среди великого множества разнохарактерных имен животных немало звукоподражательных по происхождению, и здесь тоже встречаются свои разночтения, притом нередко даже в рамках одного языка.

Так, крики *перепела* «переводят» у нас по меньшей мере двояко: либо как «подь полоть», либо как «спать пора». Поясним попутно, что само русское имя птицы рассматривается учеными-лингвистами как древнее звукоподражание: изначально было «пелепел».

Кличка другой птицы наших широт — *коростеля* — тоже звукоподражательная по происхождению. Имеется у него еще и другое народное прозвище, малосозвучное с первым, — *дергач*.

«Ея голос или крик, — писал С. Т. Аксаков в «Записках ружейного охотника», — очень похож на слог дерг, повторяемый ею до 15 раз сряду». А вот коренные жители Алтая полагают, что коростель кричит совсем иначе, а именно — «тап-тажлан»…

Показательно, что клички, так или иначе связанные с характерными звуками, обрели по воле человека животные, ведущие скрытный, зачастую ночной образ жизни. Увидеть их стоит немалого труда, а выдают они свое присутствие по большей части как раз криком или пением, кто во что горазд.

Это замечание полностью относится к коростелю. Летает он плохо и большую часть жизни проводит на земле, в густом травостое. Там коростель находит себе корм, там же и укрывается от опасности, удивительно ловко и с большой быстротой лавируя среди зарослей. Поэтому осторожную птицу увидеть непросто, и только по характерному крику распознают ее местонахождение. Крик коростеля — в сумерках или ночью — разносится на солидное расстояние, до километра!

Кулик *большой веретенник* заслужил вторую часть своего русского имени тем, что самец издает крик, похожий на «веретень». А в Западной Сибири издавна слышали в том же крике слова «авдоть-авдоть» и по этой причине прозвали птицу *авдоткой*.

От звукоподражательного «уд» ведет родословную общеславянское название птицы *удода*. Довольно громкий крик его ближе всего к «уп-уп-уп», но его передают и иначе: «худо тут, худо тут». Удоды обычно селятся на пустошах, неудобицах, и такая трактовка вполне объяснима, правда, лишь с точки зрения человека, птица здесь ни при чем.

Звонкая и продолжительная песня у *певчего дрозда* (кстати, слово «дрозд» тоже звукоподражательное: от «тро» в первоначальном «трозд»). Она к тому же и замысловатая, ибо состоит из разнообразных колен. И конечно же, как очень вольное, но зато отчасти художественное и не без доли юмора воспринимается народное истолкование песни певчего дрозда: «Филипп! Филипп!.. Иди чай пить, чай пить… с сахаром… с сахаром… Скккоррей, а то остынет!..»

Предполагают, что имя утиного кавалера — *селезня* звукоподражательное по происхождению, хотя доказательств этимологические словари не приводят. Так или иначе, нельзя не отметить остроумной интерпретации «разговора» утки с селезнем, приводимой в повести Н. С. Лескова «Соборяне»: «Купи коты[6], купи коты!» — это говорит утка. «Заказал, заказал!» — отвечает селезень.

Обширный список русских звукоподражательных птичьих

имен можно продолжать и продолжать: *ворон, ворона, воробей* (от «вър», сравните со словом «ворковать»), *гага* и *гагара* (от «га-га»), *грач* (от «гра», сравните диалектное «граять», *каркать*), *жаворонок*, (от «жа»; первоначально «жаворон», сложенное из «жа» и слова «ворон»), *зуек* (уменьшительно-ласкательное от «зуй», в основе которого звукоподражание «зу»; сравните с «зуд», «жужжать», «жук»), *кулик* (прежнее «куль»), *тетерев* (от видоизмененного «тер-тер»), *чиж* (от «чи») и многие другие.

Между прочим, у чижа есть тезка — чечетка. Так же в русских диалектах называют болтливую женщину.

Звукоподражательное «сквор» положено в основу имени *скворца*: здесь тот же корень, что и в слове «шкварки», которые, как хорошо известно каждой хозяйке, «шкворчат» на сковородке.

По поводу синицы, казалось бы, и рассуждать-то нечего: наверняка ее кличка происходит от прилагательного «синий». Знакомство с внешностью птички лишь укрепляет это мнение: в ее оперении, как бы ни было оно порою пестро, всегда находится место для синего цвета, а одна из синиц даже зовется *лазоревкой*!

И все-таки синица — не *синяя*. Первоначальным ее именем, изменившимся позднее, было *зиница*, происходившее от звукоподражательного «зинь».

С трелью полевого жаворонка соперничает песня жаворонка лесного — не столь громкая, но зато более мелодичная. Ее воспроизводят как «юли-юли-юли…», отсюда и народное прозвище пернатой солистки — *юла*.

«Чек-чек», — кричит в случае тревоги *луговой чекан*. «Чьи вы, чьи вы?» — заунывно и надоедливо, словно жалуясь, повторяет *чибис*, проносясь кругами почти над самой головою прохожего. «Квак-квак», — подражает лягушкам цапля *кваква* (здесь уместно будет припомнить и название целого семейства лягушек — *квакши*). «Киль-ди, киль-ди», — произносит североамериканский зуек *кильдир*. «Ке-ке-лек, ке-ке-лек», — кудахчет *кеклик*, или иначе — каменная куропатка. Долгое «ки» и краткое «ви» — ночной пароль новозеландской бескрылой птицы *киви*.

Точно неизвестно, почему бойкого куличка, без конца снующего туда-сюда по мокрому мху или траве, назвали странным именем — *фифи*. Может быть, оттого, что он имеет привычку постоянно трясти задней частью тела? Ведь и иных модниц за манерность поведения мы называем фифами! Но возможно и другое объяснение: в его громких и довольно мелодичных выкриках можно услышать свистящее «фи-фи».

В начале этой главы говорилось о несовершенстве, приблизительности звукоподражания. Тем более удивительным представляется необычайное совпадение звукоподражательных

имен, которыми наделили жители Европы хорошо известную каждому из нас и «в лицо», и по особенным повадкам лесную птицу — *кукушку*.

У немцев она зовется кукук, у французов — куку, у итальянцев — куколо, у испанцев — куко, у румын — кук, у чехов, болгар, поляков соответственно — кукачка, кукувица, кукулка (или куковка), куказица… И в основе всех этих совпадающих прозвищ — практически одинаково услышанное «ку-ку»!

Звукоподражательные имена более всего характерны для птиц с их развитым голосовым аппаратом, они составляют как бы привилегию пернатых. Однако и у четвероногих представителей животного царства встречаются клички такого же происхождения.

Чилийского грызуна, ведущего скрытный образ жизни, местные жители называют *туко-туко*, или *тундуко*. Зверьки обитают колониями в подземных норах на глубине до 25 сантиметров и проявляют активность лишь с наступлением сумерек. Поэтому их чрезвычайно редко можно встретить на поверхности. Отсюда одно из испанских прозвищ грызуна — окульто, что означает в переводе невидимый, скрытый. Оба же предыдущих имени — туко-туко и тундуко — примерно одинаково имитируют голос зверька, доносящийся из-под земли.

Русское имя свиньи ныне не воспринимается нами как звукоподражание, к нему гораздо ближе бытовые прозвища животного: хряк, хрюшка. Но кличка свиньи — по происхождению не русская и даже не славянская — считается заимствованием (переделкой) из древнеиндийского языка, где «сукарас» значило — *зверь, который делает «су-су»*.

Скажи мне, что ты ешь, — и я скажу, кто ты

Тысячелетия назад люди сумели поставить себе на службу целую армию особо приближенных, то есть прирученных и одомашненных животных, тем самым в огромной степени уменьшив свою изначальную зависимость от капризов природы. Произошел крутой поворот, наложивший отпечаток на весь жизненный уклад вчерашних неутомимых охотников за лесной, степной и водной дичью.

Если прежде можно было без всяких для себя последствий обходить вниманием пестрое разноцветье равнин и приречных пойм, то теперь они становились пастбищами, призванными обеспечивать безбедное содержание скота — главного богатства и мерила благополучия.

Обратившись к хорошо известному каждому школьнику слову «ботаника», убеждаемся, что древние греки рассматривали растение — ботанэ не более и не менее как *пищу для скота* — ботон'а. Точно так же и наше русское слово «трава» в его самом старинном значении разъясняется языковедами как то, что *тратится, потребляется, съедается* (сравните слово «потрава»). А тюркское «от», *трава*, легло в основу как туркменского «отар», *пастбище, выгон*, так и кумыкского «отар», *овечье стадо*, откуда пошло и наше «отара».

Все знают болотную ягоду клюкву. Считается, что это название появилось в результате перестановки согласных в первоначальном «клювка». Это отнюдь не невозможно, как показывает сравнение с бытующим по сию пору в сербохорватском языке названием ягоды — кльувка. И таким образом, самое старое значение слова «клюква» — *ягода, которую клюют птицы*.

В русских диалектах клюкву еще называют журавикой. Вы, конечно, сразу подумали о журавле и не ошиблись. Действительно, журавика — *журавлиная ягода*. Известно, что эта птица — большая охотница до клюквы.

Особенности отношения к питанию нашли отражение и в кличках конкретных животных. Так, одна из сов — неясыть — вероятно, недаром названа столь выразительным именем, означающим *ненасытная*. Надо полагать, она не страдает отсутствием аппетита!

Название рыбы жереха образовано от старинного и сохраняющегося еще поныне в диалектах русского языка слова

«жер» — *клев, пища, аппетит*. В свою очередь «жер» является производным от глагола «жерати», в современной форме «жрать». Звучит грубовато, но зато точно! *Жерех-обжора* — по существу, тезка *неясыти-ненасытной*.

Предполагают, что более старой формой имени «крыса», этого, по определению В. И. Даля, «докучливого в домах животного», было «грыза», происходящее от *грызть*. И как тут не припомнить, что крыса по научной систематизации относится к многочисленному отряду *грызунов*.

В приведенных выше названиях животных отражен, так сказать, сам процесс их питания, отношение к пище, разве что с намеками на ее количество. Другая группа имен содержит уже прямое указание на род пищи, хотя тоже в довольно общей форме. Например, капибара. Это самый крупный грызун не только Центральной и Южной Америки, где он обитает, но и вообще всей планеты. Он очень приспособлен к полуводному образу жизни. Излюбленная пища грызуна-великана, тело которого может достигать полутора метров в длину, а масса доходит до 60 килограммов, — прибрежная и водная растительность. Этим и объясняется данное ему индейцами племени гуарани имя «капибара», означающее — *господин травы*.

Рыбы аргусы благодаря привычке поедать различные гниющие отбросы очень часто, собираются в крупные стаи у выходов канализации вблизи портовых городов. Поэтому научное название неразборчивых в еде рыб, древнегреческое по происхождению, — скатофагус, то есть *пожиратель нечистот*.

Ну, а теперь поговорим о большой группе животных разных классов, имена которым даны по любимому либо даже единственному их корму. Панды — большая и малая — водятся в горах Тибета и в Гималаях. Питаются панды, в общем-то, различными растениями, но основным кормом служат им молодые ростки бамбука. Стоит заметить, что губа у панд не дура: ведь тот же деликатес в большой чести у многих народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Слово «панда» происходит от местного названия зверя — ньяла-понча, что означает буквально *пожиратель бамбуков*.

Медведь — значит *едящий мед, медоед*. Хотя пчелиный мед — отнюдь не основная пища Топтыгина, мохнатый зверь до него великий охотник. Добравшись до дупла, где гнездятся пчелы, или же до ульев на пасеке, ради желанного лакомства он часто выносит атаку разъяренного роя, никому, как известно, не дающего спуску.

Собрат медведя по пристрастию к сладкому — сравнительно крупный зверь семейства куньих *медоед*. В нашей стране он

распространен в Туркмении. Однако туркменский медоед питается всем, чем угодно, но только не медом: в его меню входят мелкие ящерицы и степные черепахи, песчанки, ежи, саранча и жуки. Свое красноречивое название наш медоед получил от видов, населяющих Африку и Южную Азию. Вот там его родственники и в самом деле не прочь полакомиться сладким и ароматным медом и нередко забираются на деревья, чтобы опустошать гнезда диких пчел.

А обнаруживать пчелиные гнезда медоеду, так же как и другим добытчикам, в том числе и человеку, помогает интереснейшая птица — *медоуказчик*. Громкими криками и характерными перепархиваниями медоуказчик умеет привлечь внимание к своей особе и буквально приводит шаг за шагом очередного искателя к пчелиному гнезду. Делает он это, разумеется, не из любви к искусству, а в надежде самому поживиться в разоренном гнезде.

Долгое время считалось, будто медоуказчик поедает личинки пчел. Оказалось, это не так. Натуралисты обнаружили, что птица лакомится… воском, и изумились: ведь общеизвестно, что воск не переваривается желудочным соком животных!

Стали наблюдать еще внимательнее, а также заниматься целевыми исследованиями, и тогда нашли в кишечном тракте медоуказчика целую микрофлору — особые бактерии, способные разрушать воск и переводить его из неудобоваримой пищи в корм, достаточно легко усвояемый желудком птицы.

Замечательная особенность медоуказчика — способность питаться воском — отличает его от всех позвоночных животных; она свойственна, кроме этой птицы, только очень немногим насекомым. В частности, тем же знаменита муха со странным названием — *нефтяная псилопа*. Ее личинки, обитая в нефтяных источниках Калифорнии (США), умеют также с помощью микрофлоры своего кишечника разлагать содержащийся в нефти парафин.

Помимо медведя и медоеда, есть еще немало столь же прозрачных кличек. *Муравьед*, например. За один день этот величайший недруг шестиногих умудряется поедать до 30 тысяч муравьев!

Пристрастие к подобной пище вызвало у муравьеда приспособительные изменения ряда органов. Так, у него длинный (60 сантиметров) червеобразный язык, которым животное легко добирается до самой середины муравьиного гнезда. Втягивая затем язык с прилипшими к нему насекомыми, муравьед счищает их во рту особой щеткой из роговых сосочков, расположенных на внутренней поверхности щек и на нёбе. Во время «приема пищи»

язык муравьеда вытягивается и втягивается обратно до 160 раз кряду, и всегда эта процедура сопровождается обильным слюновыделением. Поскольку муравьеду требуется большое количество клейкой слюны, подъязычные слюнные железы у него развились гораздо лучше, чем у всех остальных млекопитающих. Далее, у этого интересного животного нет зубов, и их роль принимают на себя сильные мускулистые стенки желудка с ороговевшей выстилкой внутри. Кроме того, в желудке всегда найдутся песок и камешки, помогающие перетирать неразжеванных насекомых.

Судя по названию, можно подумать, что один из тараканов — *муравьелюб*, мелкий, бескрылый, с сильно редуцированными глазами, проникся к муравьям пылкой и бескорыстной любовью. Ничуть не бывало! Живя в гнезде муравьев-листорезов, он на своих хозяев не обращает ни малейшего внимания, и они отвечают ему таким же полным равнодушием. В чужом доме муравьелюба интересуют лишь заботливо выращиваемые неутомимыми тружениками грибы, которые и составляют его пищу. Так что правильнее было бы именовать таракана не муравьелюбом, а *муравьевором*…

Основная пища птицы *кедровки* — семена кедра, ели, в некоторой степени и насекомые. Причем она заготавливает себе корм на зиму, устраивая потайные кладовые либо подо мхом, либо в каменистых россыпях, а то и под корой деревьев и в дуплах — подобно запасливой белке. Кедровка не опускается до того, чтобы носить собранное по одному орешку: в расположенном под языком птицы особом мешочке-кармашке любознательные наблюдатели обнаруживали до 50, 100 и даже более орехов!

Замечательные приспособления для совершенно оригинального способа питания выработала эволюция у *яичных змей*. Зубов у них меньше, чем у сородичей, и они очень слабые. Зато пасть — словно резиновая, растягивается настолько широко, что змея запросто заглатывает яйцо величиной с куриное, хотя сама хищница к числу великанш отнюдь не принадлежит: в длину не превышает и 80 сантиметров. Глотка рептилии тоже может сильно растягиваться. По мере прохождения проглоченного яйца все более дают о себе знать чудеса специализации. У яичной змеи нижние остистые отростки передних позвонков туловища, направленные вперед, настолько длинны, что даже прободают стенку пищевода. Но это не травма, так и нужно. Остистые отростки представляют собой не что иное, как яичную пилу, разрушающую скорлупу проглоченного яйца.

Итак, яйцо разрезано. Жидкое его содержимое

проскальзывает через заднюю, суженную часть пищевода в желудок, который начинает привычную работу по перевариванию пищи. А твердую скорлупу, как ненужный хлам, змея одним плотным комком выбрасывает через рот. Легко и просто! Это «техническое» усовершенствование отличается оригинальностью и большой экономичностью: ведь птичьими яйцами доводится лакомиться время от времени многим другим рептилиям, однако те вынуждены либо растворять раздавленную скорлупу сильным желудочным соком, либо прогонять непереваренной через весь немалый по протяженности пищеварительный тракт.

Ну, кто может подумать, что пауки представляют собой серьезную угрозу для пернатых, умеющих летать и снабженных неплохими средствами самообороны — крепкими клювами и острыми когтями? Тем не менее добычей тропического паука *птицеяда* зачастую становятся не только положенные «по штату» насекомые, но также ящерицы, змеи, лягушки и даже не слишком крупные птицы! Правду сказать, и пауки эти — геркулесы по сравнению со своими сородичами: длина тела некоторых птицеядов превышает 10 сантиметров, а это уже не шуточки! Птицеядов насчитывается в тропических странах до 600 видов. Особенно широко распространены они в соответствующих климатических районах Южной Америки.

В числе особенностей птицеядов надо назвать сильную ядовитость некоторых: укус их может оказаться смертельным даже для человека. Удивительно, но иные птицеяды — заядлые любители купания. Наконец, птицеяды могут по многу лет жить в неволе, питаясь различной животной пищей: справляются с предлагаемыми мышами, а могут поедать и просто кусочки мяса. Что и говорить, необычные существа!

Теперь подошла очередь рассказать о целой компании «волков», обязанных своим грозным именем совсем не внешнему облику, а свирепости и жадности, приписываемым по традиции их серому тезке.

Южноамериканская ящерица тегу нередко проникает в курятники, где разбойничает, поедая яйца и птенцов переполошенных хохлаток. За эту дурную наклонность ящерица заработала у местных жителей нелестное прозвище — *куриный волк*. Но вот ведь ирония судьбы! Мясо ящерицы-воровки, по вкусу очень напоминающее курятину, широко употребляет в пищу местное население. Так что, будучи застигнут на месте преступления, так сказать, пойман с поличным, злостный похититель рискует возместить нанесенный людям ущерб натурой…

Оса, называемая *пчелиным волком*, убивает на лету пчелу

одним молниеносным, нацеленным в мозг бедняжки ударом жала. Однако свою жертву разбойница не поедает. Она лишь сильно сдавливает ей крепкими челюстями брюшко и грудь и слизывает каплю за каплей мед, проступающий изо рта мертвой пчелы.

Зато личинкам осы, для которых сладкий пчелиный мед является смертельной отравой, достается полностью обезвреженный труп насекомого, предназначенный заботливыми родителями специально им в пищу.

Пауки-птицеяды уже заставили поколебаться наши привычные представления о возможностях арахнид (таково научное название класса животных, к которому они относятся). Достоин удивления также *паук-волк*. Знакомые нам, жителям умеренных широт, пауки и паучки на бегу просто семенят голенастыми ножками. А вот паук-волк способен совершать прыжки. Добычу он подстерегает из засады, настигая ее затем несколькими стремительными скачками.

Теперь мы знаем, что в мире животных существуют лжеволки. Имеется еще и лжелев. Это насекомое, прозванное *муравьиным львом*. Его личинка ведет образ жизни хищника, из-за этого-то насекомое и получило свое прозвище. Личинка муравьиного льва живет в сухом песке. Вначале она роет в нем ямку в виде воронки, потом зарывается в ее дно так, что чуть видными на поверхности остаются лишь нацеленные в боевой готовности челюсти. Стоит небольшому насекомому, например муравью, неосторожно пробежаться по сухому и сыпучему краю воронки-ловушки, как оно сразу скатывается вместе с песчинками на дно западни и становится легкой добычей подстерегающего «льва».

Заключим главу рассказом об одной из мух, относящихся к зеленым падальным, большинство которых — типичные обитатели трупов животных. У нашей же мухи имеется феноменальная особенность, резко выделяющая ее из числа даже наиболее родственных собратьев по мушиному племени.

Имя этого уникума — *лягушкоедка*. Однако сама муха не употребляет в пищу земноводных ни в живом, ни в мертвом виде — такая роль выпала на долю ее прожорливых личинок.

В обычное время лягушкоедка, как и положено мухам по самой их природе, опасливо сторонится лягушек — рьяных истребителей насекомых. Но вот наступает момент, когда инстинкт самосохранения уступает еще более могучему инстинкту — продолжения рода. И тогда мы наблюдаем невероятную картину: муха с созревшими в ней яйцами смело прохаживается туда-сюда перед самым носом у своего заклятого врага! Она как будто дразнит лягушку: дескать, вот она я,

попробуй поймай! И до тех пор будет муха глаза лягушке мозолить, покуда своего не добьется — наконец та заметит ее и… съест.

После этого провокационного обеда и проявится все коварство, заключенное в необычайном «троянском коне». В кишечнике животного-«хозяина» из яиц съеденной мухи вылупятся ее личинки. Они переселятся в носовую полость лягушки и там незамедлительно начнут разрушительную паразитическую деятельность, а вместе с нею — и собственное развитие, вплоть до момента, когда смогут превратиться во взрослых мух.

Таким вот странным образом — ценой собственной гибели — самка лягушкоедки обеспечивает благополучие всего своего многочисленного потомства.

Под крышей дома своего

Жилье жилью рознь: бывают ведь и у людей небоскребы и коттеджи, деревянные избы и крупнопанельные здания, землянки, шалаши, сараюхи, просто навесы от дождя… Так и у животных — каждое избирает архитектурный проект по своему вкусу.

У морской жительницы асцидии отсутствует скелет, и ее тело заключено в особую оболочку — «аскидион» по-гречески, то есть *мешочек*. А вот устрица уже обладает вполне приличным жилищем, по поводу прочности которого можно высказаться словами популярной английской поговорки: «мой дом — моя крепость». Этот дом — «острейон», *раковина* в переводе с греческого. Черепаха также прозвана по своему панцирю — *черепу, скорлупе* в старом значении слова.

Русское «улитка», уменьшительное от «улита» (вспомним поговорку: «улита едет — когда-то будет»), связывают со словом «улей». Первоначальное значение клички моллюска — *животное, снабженное норой, убежищем, «улом»*.

Панцирь черепахи, раковины устрицы и улитки — дома, которые дарованы им самой природой с первого дня рождения. Другие животные сами обзаводятся жильем для себя, прилагая для этого немалые труд и старание.

На травянистых растениях речной поймы нетрудно разглядеть пенистые гнезда *обыкновенной слюнявницы*. Пена — это и есть дом ее личинки. Строительный материал, конечно, весьма сомнительной прочности, но все же и такое легковесное сооружение позволяет личинке насекомого оставаться незаметной для врагов, а главное — создает необходимый для ее нормальной жизнедеятельности микроклимат. Иначе сухой воздух погубил бы ее.

Как строит личинка слюнявницы свой эфемерный домишко? Питаясь на поверхности стеблей и листьев растений, она выделяет много жидкости, которая содержит особое вяжущее вещество, мы бы назвали его цементом. Затем личинка выпускает в жидкость через дыхальца пузырьки воздуха, вспенивающие ее, — а это уже походит на наш пенобетон! В итоге саму хозяйку новостройки уже и не разглядеть сквозь обильный покров пенистой массы, с виду напоминающей комочек слюны — отсюда и название насекомого. В народе такие пенистые образования на растениях образно прозвали «кукушкиными слезками».

Скромная слюнявница — родственница насекомым, обитающим на территории нашей страны и носящим имя *пенницы*. Всего же на земном шаре насчитывается 1300 видов

пенниц. И встречаются среди них куда более «продуктивные», чем слюнявница. Например, с деревьев, населенных колониями личинок мадагаскарской пенницы, падает столько капель, что они производят впечатление настоящего дождя. Такие деревья местные жители недаром называют «плачущими».

Несравнимо прочнее, чем у слюнявницы, «коттеджи» личинок *ручейников*, нежных насекомых, имеющих определенное сходство с молями, обитающих на дне ручьев и прудов (отсюда название). Их уютные трубчатые домики построены из подручных простейших материалов — различных мелких донных частиц, скрепленных паутинными нитями.

Других мелких молевидных бабочек с утолщенным и опушенным густыми волосками телом именуют *листовертками* за то, что их гусеницы имеют обыкновение сворачивать листья растений в трубочки или пакеты.

Жук-*трубковерт* заботится о комфорте для своего потомства, скручивая из листа не просто трубочку, а целую «сигару». Трудится он на строительстве без излишней спешки, как будто зная популярную у нас пословицу: «Поспешишь — людей насмешишь». Зато и хоромы жук воздвигает на славу, демонстрируя высокие инженерные познания и незаурядное мастерство.

Вначале жук делает надрезы на листе. Они нужны для того, чтобы «стройматериал» несколько подвялился, и в то же время определяют направления для предстоящего наиболее удобного и рационального скручивания. Форму разрезов трубковерта специально исследовали проявившие заинтересованность математики и установили их точное соответствие законам представляемой ими науки. Человеку, для того чтобы скрутить подобную «сигару», потребовалось бы знание высшей математики!

Домики из листьев строят для себя и тропические муравьи экофиллы, названные так как раз по характеру своего домостроительства: «экофилла» в переводе с греческого означает *дом из листьев*.

В старину стойкие черные чернила изготовляли из особых образований на листьях дуба — так называемых чернильных орешков. Между тем эти плотные шарики не что иное, как жилища личинок *обыкновенной дубовой орехотворки*. В этом нетрудно убедиться, осторожно разрезав такой «орешек» острой бритвой. Во внутренней камере глазам предстанет белая безногая личинка. Если же подобное вскрытие сделать в осеннюю пору, то на месте личинки обнаружится мелкое насекомое длиной не более 4 миллиметров, черное с красноватыми пятнышками.

Интересно, что в «орешках» развиваются не все насекомые, а только самки обыкновенной дубовой орехотворки.

Мелкие комарики *галлицы* живут всего-навсего от 2 до 3 суток. И ничем все это время не питаются. Зато их личинки по сравнению с родителями — долгожители и нуждаются как в пропитании, так и в жилье. И они превращают цветки, плоды, побеги и листья облюбованных растений в галлы — уродливо измененные органы в виде вздутий. При этом личинки не грызут ткань растения, а выделяют на нее особые ростовые вещества, вызывающие ненормально бурное деление растительных клеток. Внутри образующегося в результате домика личинка надежно защищена от любой непогоды и может спокойно и в полной безопасности питаться соками растения, которые, что называется, всегда под, рукой.

Наконец, переходим к сооружениям капитальным, которые можно сравнить с бункерами из железобетона, если поставить их рядом с домиками из пены или трухи и песчинок.

Проживающие в далекой Австралии *прутогнездные крысы* воздвигают строения из прутьев метровой длины и толщиной 2–3 сантиметра. Прутья не просто сваливаются в кучу, а монтируются один с другими. По этой причине дом получается и прочным, и солидным. Он возвышается в виде плоского конуса высотой 1,3 метра, а в диаметре сооружение занимает до 6 метров. По сравнению с галлами это уже настоящий небоскреб. В каждом таком доме-гиганте живут крысы папа и мама с тремя-четырьмя детишками-крысятами.

Птицы, которых именуют *сорными курами*, строят своеобразные гнезда-инкубаторы из всякого рода отбросов, гниющих остатков растительности — словом, мусора, отсюда и название птиц. Они обладают умением измерять и поддерживать на нужном уровне температуру в них. Роль диспетчера при инкубаторе доверена самцу: он следит за тем, чтобы температура в нем оставалась постоянно на уровне 35° Цельсия. Причем ученые так до сих пор еще и не выяснили доподлинно — язык или нежная оболочка внутри клюва служит безошибочным термометром для «насиживающей» яйца птицы. Во всяком случае именно после того, как самец сорной курицы погрузит открытый клюв в гнездо, где инкубируются яйца, отложенные его менее заботливой подругой, он принимает соответствующие меры для выравнивания внутренней температуры нагрева: либо снимает часть наружного покрова гнезда, либо, наоборот, наращивает его. И гак изо дня в день на протяжении 6–7 месяцев!

В Южной Азии, а также на острове Мадагаскар распространена *горшочная змея*, обычное местопребывание

которой — цветочные горшки. К цветам имеет отношение и один из видов тропических кузнечиков, родина которого — Центральный Китай. Со своей родины он не специально, а вместе с редкими растениями был завезен в различные города Старого и Нового Света. На новых местах теплолюбивый кузнечик живет в пределах оранжерей, отчего и получил название *оранжерейный*.

Зачем кулику под камнями шарить?

В нашем языке немало слов-определений, характеризующих особенности поведения человека, его привычки, наклонности и пристрастия, черты характера, наконец. Для примера перечислим хотя бы некоторые: егоза, непоседа, выдумщик, пустомеля, весельчак, рохля, увалень, шутник, неряха, сластена, умница и умник (что далеко не одно и то же!), балаболка, ветрогон, простак, неженка…

Не приходится удивляться, что и «братьев наших меньших» люди нередко наделяли прозвищами, в основе которых своеобразные повадки и обычаи животных. Вспомним знакомую каждому с детства русскую народную сказку «Теремок». В ней действуют мышка-норушка (живет в норке), зайчик-побегайчик (отменный бегун), лисичка-сестричка (умеет хитро подольститься), волк — зубами щелк (свирепый и жадный).

Нельзя не подивиться наблюдательности наших далеких предков. Имена, даваемые ими животным, отличались не только меткостью, но порою и изрядной долей добродушного юмора. Это касается, например, *аиста-разини*, у которого и при закрытом клюве все-таки остается заметная щелочка между надклювьем и подклювьем[7].

Или, скажем, *жук-притворяшка*. В момент грозящей опасности он незамедлительно поджимает ноги и усики и падает, хотя только что бодро бегал. Не верьте жуку, это инсценировка! Его вовсе не хватил инфаркт, он притворяется мертвым. Так же поступают многие насекомые, но лишь у жуков этого семейства оригинальная защитная реакция нашла отражение в кличке: притворяшки особенно быстро и выразительно проделывают манипуляции, которые должны убедить врага в том, что он имеет дело не с живой и лакомой добычей, а всего лишь с жалкой дохлятиной.

Соней назван грызун, ведущий активный ночной образ жизни. По ночам люди могли встречать его, надо думать, нечасто, а вот то, что соня днями отсыпается в каком-нибудь дупле, — факт очевидный. К тому же соня имеет привычку на зиму впадать в оцепенение. Самая крупная из сонь — полчок спит, например, в дупле или же закопавшись в землю в течение семи наиболее холодных месяцев в году.

Ленивцы также спят по 15 часов в сутки, но и в бодрствующем состоянии не любят никуда торопиться. Всю свою жизнь ленивцы проводят на деревьях в подвешенном состоянии. Питаются они листвой того дерева, на котором висят, так что хлеб их насущный

— под рукой и в изобилии.

Природа позаботилась о животных-лентяях даже и в том отношении, что ворс их шерсти направлен не к брюху, как у «нормальных» зверей, а к хребту, и благодаря этому дождевая вода скатывается с их шерсти, не смачивая ее. Любопытно, что первые 4 месяца после рождения детеныш ленивца висит на теле матери, и все это время она вообще почти не двигается. На соседнюю же ветку детеныш впервые переходит лишь по достижении солидного — девятимесячного возраста.

Впервые о странном животном упомянул в своей книге «Общая и естественная история Западной Индии», вышедшей в свет около 1530 года, испанец Фернандес де Овиедо. «Нельзя себе представить, — писал он, — более неповоротливое и более бесполезное животное». Еще он отметил своеобразие крика ленивца: его «а-а-а-а-а-а» полностью соответствует музыкальной гамме: «ля-соль-фа-ми-ре-до». «Не это ли существо изобрело гамму?» — задавался вопросом Овиедо.

Ленивец настолько ленив, что на нем образуется собственная микрофлора и фауна. В длинной его шерсти можно обнаружить водоросли и даже особый вид бабочек. Зверек держится за свою ветку так крепко, что его с трудом могут оторвать от нее несколько человек. Умирает он тоже на весу и продолжает держаться до последнего мгновения, покуда тело окончательно не оцепенеет. Испражняется ленивец, спустившись с дерева, — вероятно, соблюдает правила санитарии: ведь листва и ветви — одновременно и дом его, и пища: Но зато медлительное животное проделывает этот необходимый жизненный акт всего лишь один раз за 8—10 дней.

Первым европейским названием ленивца — явно насмешливым — было *проворная собачка*…

Как аисту-разине, соне или ленивцу, нет оснований обижаться на свое малопочтенное прозвище и *глупышу*, птице семейства буревестников. Ведь он на самом деле ведет себя весьма неразумно. В отличие от большинства куда более осторожных и недоверчивых родичей глупыш не прячет свое гнездо, а устраивает его где попало: иногда прямо на голой скале, а то и на льду. И сам же от собственной непредусмотрительности страдает: в Северной Америке в массе истребляют не только яйца и птенцов глупыша, но и тысячами — взрослых птиц.

Не вправе сетовать на свои клички *вертишейка* (усядется птичка на дереве и ну вертеть головой то вправо, то влево) и *трясогузка* (а у этой привычка постоянно на бегу хвостиком подрыгивать).

Вертишейка с трясогузкой сразу приходят на ум, когда

читаешь занимательную книгу Г. Е. Грумм-Гржимайло «Описание путешествия в Западный Китай», — то место ее, где говорится следующее:

«Здесь мы встретили в довольно большом числе редкую Podoces humilis Humi, которую наши казаки тотчас же окрестили названием птицы-кивача, вследствие ее обыкновения поминутно кивать головкой, т. е. клевать землю в поисках личинок…»

Надо думать, что примерно так же, как в описанном эпизоде, и обстояло дело с возникновением в старину многих народных имен зверей и птиц.

«Зачем кулику под камнями шарить?» — так названа эта глава. Кулик — обитатель морских отмелей с виду птица как птица, во внешности ничего особенного. Но стоит понаблюдать, приглядеться внимательнее — и можно заметить в ее поведении, привычках и манерах немало занятного.

Кормится кулик мелкими моллюсками, рачками, насекомыми, которые прячутся под прибрежными камешками. Чтобы извлечь затаившуюся в укрытии добычу, птица ловко поддевает клювом гальку и переворачивает. Она может сдвинуть с места и камень, не уступающий ей самой по весу. А иной раз несколько тяжелоатлетов, словно сговорившись, объединяют усилия, чтобы столкнуть с места чересчур громоздкий груз. У этого забавного кулика очень меткое прозвище — *камнешарка*.

Другой занятный кулик назван *перевозчиком*. Он часами бродит по мелководью в поисках пищи насущной, а будучи чем-нибудь или кем-либо потревожен, вмиг перелетает на противоположный берег реки. У маленькой пичуги тревог и беспокойства всегда предостаточно, вот и курсирует осторожный кулик день-деньской с берега на берег, как перевозчик при лодке или пароме.

Наше зяблик (от *зябнуть, зяблый*) и латинское имя той же птицы — фриндгилла, или фригилла (от фригор — холод, фрингере — мерзнуть), возникли независимо одно от другого в связи с примечательным обстоятельством: зяблики прилетают с юга ранней весной и потому нередко испытывают на себе малоприятное воздействие возвратных заморозков.

Буревестник потому так назван, что издавна считается птицей, предвещающей бурю на море. Заметив этих птиц в воздухе близ своего корабля, матросы сразу же начинали готовиться к нелегкому противоборству с грозной стихией. И в большинстве случаев не обманывались.

Буревестники, так же как и альбатросы, прочно связали свою жизнь с открытыми морскими просторами. Они нуждаются в суше лишь в период гнездования. Буревестники и спят прямо на

волнах, и морскую соленую воду способны пить без вреда для организма (у них имеются специальные приспособления — опреснители), и питаются исключительно морскими животными. Мало того, когда слишком уж надолго и чересчур полный устанавливается штиль, буревестникам словно надоедает состояние безмятежного покоя, и они снимаются с места в поисках более неблагоприятной погоды, то есть «ищут бури».

Жизнь птицы *водореза* тоже накрепко связана с водной средой: в воде она находит себе пищу — насекомых и мелкую рыбешку. Но охотится птица не как другие пернатые, не по правилам: не пикирует сверху и не вылавливает добычу на плаву. Водорез летит низко над водой, погружая в нее при этом, иногда на несколько минут, нижнюю, более удлиненную половину клюва. Со стороны создается впечатление, что он как бы вспахивает речную гладь, бороздит, режет воду, — что и отражено в кличке.

Рыба *головостой*[8], как видно из названия, — мастерица делать стойку на голове. Такую позу она нередко принимает в зарослях подводных растений, маскируясь в них от врагов.

Рыбка *брызгун* сбивает свою летающую добычу — мух и бабочек — метко и с силой выпущенной изо рта струйкой воды, а затем ловко подхватывает оглушенную жертву. Стрелять брызгуны могут на солидное расстояние — до полутора метров в высоту.

Пауки-арканщики, жители тропиков, используют тот же принцип, но действуют еще остроумнее. Они выбрасывают в направлении насекомого-жертвы липкую капельку на тончайшей паутинной нити — что-то вроде лассо индейцев. Капля, если она метко пущена в цель, прилипает к жертве, а паутинка, словно аркан (отсюда название пауков-охотников), удерживает ее до подхода самого арканщика.

Меткий стрелок и *плюющая индийская кобра*. Она выбрызгивает не клейкую слюну, а яд, и на довольно большое расстояние — до 2 метров. Две тончайшие струйки яда при «стрельбе» всегда нацелены в глаза противнику. Если попадание точное, то оно может привести даже к полной слепоте: поэтому следует немедленно промыть пораженные глаза. Свое грозное оружие плюющая кобра — надо отдать ей должное — применяет лишь в оборонительных целях и только против крупных врагов.

Своя причуда у *прилипала*. На голове у этой морской рыбы — сильная присоска, которою она присасывается к крупным морским животным — акулам, черепахам, ламантинам и т. д., а иногда и к днищу корабля. В некоторых странах эту особенность прилипал исстари используют для охоты на морских черепах,

дюгоней, акул. В этих случаях к хвосту пойманного предварительно прилипала привязывают длинную и прочную бечевку, выводят в море и бросают живую снасть с лодки в сторону обнаруженной дичи.

Легко распознается смысл названия пиявки — *пьющая*. Удивительные существа — *жуки-светляки*, которых на всей планете насчитывается около 2000 видов. В темноте они испускают фосфорический свет, более или менее яркий. Некоторые тропические светляки обладают еще более поразительной способностью — согласованно, словно по команде, одновременно включать и выключать свои волшебные фонарики. Живые лампочки отличаются — на зависть инженерам-электрикам — потрясающе высокой экономичностью: на свечение в них затрачивается не 4 процента всей энергии, как в электролампе, а едва ли не 98 процентов!

У *жуков-светофоров* имеются красные и зеленые фонарики. Один тропический жук, родом из Америки, несет на груди или на спине сразу два фонарика, похожих на автомобильные фары, за что и прозван *автомобильчиком*. Интересно, что автомобильчик способен произвольно уменьшать либо увеличивать силу света своих «фар». В довершение сходства с автомашиной жук располагает к тому же сигнальным фонариком. Он помещается сзади и загорается лишь при взлете жука и при посадке, а горит либо желтым, либо зеленым светом.

В Африке проживают *солнечные белки*. Мех у них яркий, нарядный, но не ему обязаны зверушки своим прозвищем, а манере в ранние утренние и вечерние часы вытягиваться в блаженной позе на ветвях деревьев. Словно и впрямь принимают солнечные ванны, загорают.

Однако если кому-то яркий солнечный свет в удовольствие, то другому он — пуще смертного наказания. Большинство крупных пауков сольпуг, или фаланг (а правильнее всего было бы называть их — сольфуги), терпеть не могут прямых солнечных лучей. Днем они отсиживаются в различных укромных затененных местечках и лишь с наступлением вечера, когда утомленное светило опускается за горизонт, отправляются на охоту. Эту особенность пауков хорошо передает латинское их наименование: солифуге — *убегающие от солнца*.

Правда, и среди представителей обширного отряда сольпуг встречаются исключения. Есть виды солнцелюбивые. В Испании, например, сольпуги получили местное название — *солнечные пауки*, а у нас в Средней Азии водится *сольпуга солнцелюбивая*, небольшое белесо-золотистое существо, днем бегающее по степи.

Ящерица агама, спасаясь от раскаленного песка пустыни, в

самый злющий зной вползает на вершину сухого куста и замирает там, задрав голову в небо: то ли молится, то ли, напротив, посылает проклятия. Потому и назвали туркмены ящерицу *проклинающей солнце*.

Поражает кажущееся осмысленным поведение *пищухи-сеноставки* при заготовке корма к зиме. Зверек срезает зубами травинки, раскладывает на просушку, используя для этой цели камни, нагретые на солнце, а потом собирает готовое сено и составляет в маленькие стожки.

Если бы ненастье заставало сеноставку всякий раз врасплох, то сколько труда пропадало бы понапрасну! Но она обладает даром «предчувствия» и заранее распознает, какая ожидается погода на ближайшее время. В канун непродолжительного ливня грызун просто прячет свои стожки под камнями, а в случае надвигающегося затяжного ненастья еще и развешивает незастогованную траву на ветках кустарника под защитой сосен или других хвойных деревьев с обширной развесистой кроной.

Грызун хомяк может приносить ущерб зерновым посевам. У него манера пригибать стебли злаков, для того чтобы легче было их «обмолачивать». Так что отношения грызуна с земледельцами явно не могут быть дружественными. Это, как считают, отражено и в его прозвище. Авестийское «хамаестар» — *враг, повергающий на землю*; новоперсидское «хаместар» — *противник*; шорское имя хомяка переводится как *враг*.

Чистюля енот перед едой непременно полощет свой корм в воде — отсюда еще одно название зверька: *полоскун*. Североамериканского енота зовут ракун. Первоисточником имени явилось слово из языка индейского племени алгонкинов — «ара'кун», что в переводе означает *он царапает руками*.

Метеорологическими способностями обладает, по-видимому, зверек *бурундук*, о котором А. А. Черкасов в книге «Записки охотника-натуралиста» заметил следующее:

«Иногда бурундук издает какие-то особенные звуки, похожие на протяжное, унылое, но громкое произношение слов кво-к, кво-к… Сибиряки говорят, что он квокчет или клокчет только перед ненастьем. Сколько я заметил, наблюдение это большей частью справедливо. Самое название этого зверька означает «буран, буря»…».

Сумчатый медведь живет в Австралии и питается исключительно листьями эвкалипта. Зверек почти никогда не пьет, поскольку получает необходимую организму воду вместе с пищей — сочными листьями. Потому-то аборигены пятого континента и прозвали это симпатичное животное коала, что в переводе на русский язык означает *не пить*.

Связь между словами «волок», «уволакивать» и русским именем хищного зверя «волк» улавливается нами без труда. Ловкий и смелый хищник (в былые времена с безрадостным, горьким юмором его называли еще *серым помещиком*) издревле был бичом для стад домашних животных. Отсюда имя — волк, значит, *уволакивающий* (добычу).

В компанию тезок волка, связанную общим предосудительным ремеслом, надлежит включить еще и хищных птиц: коршуна — *таскающего, вора* (от основы «корш», родственной авестийскому «карш» — *тащить*), и луня — *обдиралу, грабителя* (от «лупити» — *обдирать, бить, грабить*; первоначальная форма имени была «лупнь»). Нетрудно заметить, что в этих двух случаях очевидная связь между именем и смысловым его значением затемнена, не просматривается. Она утеряна в современном русском языке, и для того, чтобы ее восстановить, потребовались сложные лингвистические раскопки, проведенные учеными-этимологами.

Вот еще результаты подобных раскопок, предоставленные для всеобщего пользования этимологическими словарями: еж и скорпион — оба *колющие* (первое имя — общеславянское, второе — заимствовано из французского языка); рак — *впивающийся* (восходит к «орк», однозначному с литовским «ёрке» и латышским «ерке»); летучая мышь нетопырь — *летающая по ночам*.

Для того чтобы расшифровать смысл клички нашего давнего и верного спутника и слуги — коня, нужно вначале восстановить прежнюю, более древнюю форму имени: комонь. Далее следует извлечь из безвестности старославянский глагол «комосить» — *лягаться*. Только тогда станет очевидно, что конь — *животное, которое лягается*, то есть бьет ногами.

Мотыльком называют у нас небольшую бабочку из семейства огневок. Этому имени имеются соответствия в чешском и польском (мотыль), а также в украинском (мотил) языках и в русских диалектах (метляк, метелик). «Мотыль», от которого и произошло наше «мотылек», — само является производным от глагола «мотать» — *бросать, колебать*, порхать, *сновать*. Таким образом, бабочка получила прозвище по внешнему впечатлению от ее «мотающегося» полета.

Кличка дятла произведена от той же основы, что и глагол «долбить» (сравним также со словом «долото»). Старинное имя птицы было несколько иным по форме — делбтел и означало *тот, кто долбит, долбящий, долбун*.

Не так-то просто разгадать загадку клички птицы сорокопута. Положение несколько прояснится, если написать его в

соответствии со старой формой — сорокопуд. Но ведь и глагол «пудить», *гнать*, в современном русском языке неизвестен. Помогает сопоставление с украинским «сорокогин», где вторая часть сложного имени происходит от «гнати». Итак, сорокопут — *сорокогон, гоняющий сорок*.

От известного в диалектах слова «мулить», *мутить воду*, происходит название байкальской рыбки омуля. Оно встречается в письменных источниках с XVIII столетия.

Не сразу поддается объяснению прозвище линя. Это общеславянское образование от «липати» — *прилипать, липнуть*, сравнимое с областническим «липень». Напрашивается также сравнение с глаголом «льнуть». Речная рыба названа так из-за своего слизистого покрова. Очень эффектно, с использованием едва ли не всех однокоренных слов, охарактеризовал эту рыбу С. Т. Аксаков: «Линь, покрытый липкой слизью, льнет к рукам».

Видно пташку по полету

Способ передвижения или отдельные его особенности также нашли отражение в кличках животных.

Ласточки значительную часть суток проводят в полете, к которому превосходно приспособлены. Они даже пьют с лета, зачерпывая воду подклювьем. На землю ласточки садятся очень неохотно, гораздо чаще их можно увидеть сидящими на карнизе или на проводах. Эта исключительная приспособленность птиц к полету и стала основой их названия.

В литовском языке существует слово «лакстити», что означает «летать». Оно-то и наводит исследователей на мысль о былом наличии в общеславянском языке слова «ласта», *летунья*. Ну а «ласточка» — уменьшительно-ласкательная форма от этого «ласта», доказывающая, между прочим, что удивительно изящных в полете, безобидных и приятно щебечущих птиц наши предки почитали.

В основе имени другой птицы — ястреба видят также не сохранившееся древнее слово «астр», *быстрый*.

По названию легкого (и быстрого, соответственно) четырехколесного старинного экипажа получила имя птица *фаэтон*[9], которую можно встретить над океаническими просторами. Ноги у этой птицы короткие и слабые, к тому же слишком далеко отнесены назад, почему она и не способна передвигаться по суше. На воду фаэтоны садятся редко и неохотно по причине еще одного своего «конструктивного недостатка» — плохо плавают. Зато уж летают они мастерски и нередко встречаются за сотни километров от морских берегов. Для гнездования фаэтоны избирают крутые склоны прибрежных скал.

Смысл прозвища *белок-летяг* лежит, как принято говорить, на поверхности. Они потому летяги, что умеют летать. Точнее, правда, — планировать. Белки-используют для этого кожистые перепонки между передними и задними лапами. Самый крупный вид летяг — тагуан одновременно является и рекордсменом среди летающих белок по дальности полета: ему под силу пролететь расстояние до 60 метров.

В Восточной Австралии распространен *летающий поссум*. Родовое его название — *канатный плясун* — отражает необычайную ловкость, с которой зверек передвигается по ветвям деревьев. Как явствует из видового имени, он еще и летает, то есть планирует при прыжке, подобно летягам. Обычно перед прыжком летающий поссум взбирается на вершину дерева, высота

которого может достигать 30 метров, и с этой внушительной вышки планирует к подножию другого дерева, отстоящего от первого на расстоянии до 70 метров.

Отчасти вводит в заблуждение кличка тюленя *крылатки*. Нет, он не имеет крыльев и летать не обучен. Скорее, он прыгун. В то время как его сородичи неуклюже вползают на облюбованную льдину, крылатка попадает на нее в результате высокого и красивого прыжка, которым можно залюбоваться.

Летучие рыбы — название, понятное без специальных лингвистических изысканий. Рыбы этого семейства развивают на поверхности воды, перед тем как взлететь, скорость вполне приличную — до 65 километров в час. Обычно они находятся в состоянии полета недолго, секунд десять, и пролетают за этот отрезок времени лишь несколько десятков метров. Зарегистрированы, однако, случаи, когда летучие рыбы летели над водой до 30 секунд, преодолевая около 400 метров. Поясним, что полет над морской гладью для летучих рыб не пустая прихоть, не развлечение на досуге, а способ спастись от преследования хищников.

Летучие мыши — уже настоящие летуны. Их развернутое крыло представляет собой полотнище, натянутое между длинными пальцами, крупными костями конечностей и боковой частью тела животного. Наиболее быстрые из всех летучих мышей — длиннокрылы. Их непринужденный полет с полным основанием сравнивают с полетом ласточек.

Кто летает, а кто бегает. Кажется, от крота особенной прыти ожидать не приходится, но на деле это не совсем так, и словари сопоставляют его русское имя со следующим выразительным набором однозначных слов: *подвижный, двигаться, шевелиться*.

По одной из версий имя таракана происходит от чувашского «тар-акан», что значит *беглец*.

Птица вьюрок — юркая: существует украинское «вьюрковатый» — *проворный, бойкий*.

Крупная степная птица дрофа неплохо летает, но в придачу она еще и отличная бегунья: скорость ее бега достигает 40 километров в час. Полагают, что кличка птицы восходит к «дропьве», родительному падежу от ныне утраченного древнего общеславянского «дропы», означавшего именно *бегунья* (сравните с просторечным «драпать»).

Название одногорбого верблюда — дромадера идет от греческого «дромайос», *быстробегающий*. Действительно, дромадеров с глубокой древности используют в качестве верховых животных. Всадник на верблюде — и сегодня непременная и красочная деталь пейзажа пустынь Ближнего

Востока и Северной Африки. Дромадер счастливо сочетает необычайную выносливость и неприхотливость с неплохой скоростью — до 23,5 километра в час. При этом он может проходить за сутки до 80 километров.

А вот и зайчик-побегайчик из русской народной сказки. Ученые сразу поправят: вовсе не побегайчик, а самый что ни на есть прыгун, от древнего «заяти» — *прыгать*.

Прыгунов среди представителей животного царства на удивление много.

В. И. Даль не без оснований полагал, что кличка рыбы сига происходит от глагола «сигать» — *прыгать* (через невод, когда рыба поймана рыбаками).

Необыкновенно длинные задние ноги у *прыткой лягушки* — это просто какое-то чудо природы. Если заднюю лягушкину ногу вытянуть вперед, то голеностопное сочленение окажется значительно дальше кончика морды. Прыткая лягушка запросто берет высоту до 1 метра, а уходя от преследования, способна совершать скачки до 3 метров в длину.

Пауки-скакуны не подкарауливают жертву у расставленной паутинной сети. Охотясь на насекомых, они прыгают на добычу, обнаруживать которую им помогает хорошо развитое предметное зрение.

Надо сказать, что это совсем нетипично для пауков, хотя у большинства из них по 4 пары глаз: их зрение очень несовершенно. Скакуны являются поразительным исключением. Их передние, главные глаза — длиннофокусные и дают на сетчатке крупное изображение, сходное с тем, какое бывает в фотокамере с телеобъективом. К тому же они могут двигаться, компенсируя тем самым малое поле зрения. Побочные же глаза хотя и не различают форму предметов, зато позволяют пауку замечать любое движение впереди, сзади и сверху.

Сценарий охоты паука-скакуна таков. Если муха находится сзади охотника, паук замечает ее задней парой глаз на расстоянии до 25 сантиметров. Тогда он разворачивается к ней «лицом». Когда до мухи остается 8 сантиметров, охотник отчетливо распознает добычу передними глазами.

С расстояния в 4 сантиметра паук начинает подкрадываться, а в полутора сантиметрах от объекта следует молниеносный и, как правило, безошибочный прыжок!

О древнерусском, более старом названии саранчи — пруг, *прыгун*, уже упоминалось. Добавим лишь, что у болгар это насекомое и теперь зовется *скакалец*, у сербов и хорватов — *скакавец*. Похожее имя *скакулец* украинцы относят к другому насекомому, тоже прыгающему, — блохе.

Возможно, стремительность завершающего прыжка на добычу запечатлена в греческом по происхождению имени тигра, которое в свою очередь сопоставляют с авестийским «тигри» — *стрела*.

Полетали, побегали, попрыгали — перейдем теперь к ходьбе.

Предшественница нашей «цапли» — «чапля» сохранилась в других славянских языках. Имя птицы образовано от глагола «чапати», который у украинцев означает *медленно идти*. Если же добираться до самой-самой подоплеки, то окажется, что этот глагол производный от звукоподражательного «чап» (представьте чавкающий звук, получающийся при ходьбе по грязи, по болоту). Предполагают и родство славянского «чапать» с древнеиндийским «чапалас» — *качаясь, двигаться взад и вперед*.

Интересно, что своеобразная медленная и чинная походка цапли вызвала к жизни определение «чопорный», то есть в первоначальном значении *важный, как цапля*.

Птица-ходулочник словно бы вся состоит из шеи и ног, напоминающих деревянные ходули, на которых, бывало, любили вышагивать деревенские ребятишки.

Имя человекообразной обезьяны гиббона в переводе на русский язык означает *ходящая по ветвям*[10]. Действительно, ловкости гиббонов можно позавидовать, они умеют перепрыгивать с ветки на ветку и с дерева на дерево на расстояние до 15 метров.

Прекрасно ходят и бегают по земле, но только не прямо, а боком, пауки, которые так и зовутся — *бокоходы*. А вот ящерицы амфисбены (от греческих слов «амфис» — *с обеих сторон* и «баино» — *иду*) по земляным ходам своих норок могут двигаться и хвостом вперед. По-русски их называют *двуходками*.

Такого рода приспособление вызвано к жизни невозможностью развернуться в узком проходе. Но стоит амфисбене оказаться на просторе, как она начинает двигаться, подобно змее, то есть изгибая тело в стороны, а некоторые виды — изгибаясь волнообразно в вертикальной плоскости…

Хотя у *тихоходок* насчитывается целых четыре пары ног, они не слишком помогают делу: тихоходок по праву можно наградить званием чемпионов медлительности. Эти крохотные существа, сами не превышающие в длину 1 миллиметра, не могут при всем желании преодолеть за минуту более 2 миллиметров. Обитают они обычно в пресной воде, но не в водоемах, а в капельной, влаге, которая скапливается на мхах, лишайниках и во влагалищах листьев различных растений.

В пустынях обитает птичка, которой очень нравится приплясывать. *Каменка-плясун* день-деньской может петь и танцевать, такая уж, видно, артистическая натура!

Способ ползания тоже представлен в именах животных. Начать с того, что целый класс носит русское название — *пресмыкающиеся*. Образовано оно от старославянского «смыкатися», *ползать*, представляющего собой возвратную форму от глагола «смыкати», *ползать, шуршать*. Этому глаголу находятся родственники в литовском — «смаукыти», *скользить*, и немецком — «шмиген», *прижиматься* (не отсюда ли наше «шмыгать»?), языках. Существовало еще древнерусское слово «смок» со значением *змей*.

Наше нынешнее «змея», родственное старославянскому «земь», *земля*, означает ползающая по земле. А, например, немецкое имя змеи — шланге происходит от сходного по значению глагола «шлинген», *обвивать, виться*, во французском языке змея также *извивающаяся*.

Еще очевиднее кличка одной из распространенных у нас неядовитых змей — *полоза*, близость ее к «ползать» легко просматривается.

Птичка *поползень* отличается тем, что запросто лазает по деревьям или по скалам как вверх, так и вниз головой. «Рожденный ползать летать не может» — а вот рожденный летать, как видим, не только может ползать, но и пользуется этим умением с превеликим удовольствием.

Но и ползать, оказывается, можно по-разному. Так, *стрела-змея* получила свое звучное имя за фантастическую стремительность движений. За уползающей от греха подальше стрелой-змеей человеку пришлось бы бежать с полным напряжением сил — ничего себе ползание! Движения тела змеи недоступны глазу, и потому кажется, будто она, выпрямившись, скользит по земле благодаря невидимому внутреннему механизму. Пугающая и кажущаяся невероятной стремительность этой пустынной змеи породила у туркменов поверье, что она якобы может внезапно убивать людей, лошадей и верблюдов, пронзая им сердце. В действительности же укус стрелы-змеи для человека и крупных животных совершенно не опасен.

Еще в XIV столетии, как о том свидетельствуют письменные источники, наша ящерица прозывалась ящером. Предполагают, что это более старинное ее имя произошло от той же основы «скер», перешедшей в «щер», что и в слове *скорый*. Значит, животное было названо по быстроте передвижения.

Большой оригинал — зеленая гусеница бабочки *пяденицы*, или *землемера*. Имея всего две пары брюшных ножек, она не просто ползет, а как бы отмеривает пядь за пядью (пядь — старинная мера длины [11]), выгибаясь вертикально и пододвигая задние ножки к передним.

Примерно то же, что пяденица на сухопутье, выделывает на водной поверхности клоп *водомерка*: он движется рывками с ритмичным интервалом и тоже как бы отмеривает на воде проходимое расстояние.

Прозрачен смысл названий рачка *бокоплава* и рыбы *вьюна*. *Жуков-вертячек* можно увидеть в солнечный день на пруду или в речной заводи, целыми стайками кружащимися вокруг своей оси. Но это не пустая забава: так вертячки охотятся, причем одновременно высматривают добычу как на поверхности воды, так и под водой, — в этом им помогает особое устройство глаза.

Утки *нырки* способны хорошо нырять и при этом довольно долго оставаться под водой — до 30 секунд. По этой причине они населяют обыкновенно гораздо более глубокие водоемы, нежели другие представители утиных.

Совершенно оригинальный способ передвижения «изобрели» *ногохвостки*. У них на нижней поверхности заднего конца брюшка имеется несвойственный другим членистоногим орган — прыгательная вилка. Она подогнута под брюшко, а будучи быстро распрямлена, помогает ногохвостке отталкиваться от предмета, на котором та находится в данный момент, и таким образом совершать скачок вперед. Есть ногохвостки, которые могут держаться на воде — и тут они ухитряются тем же способом и с таким же успехом отталкиваться от ее поверхности. Интересно и то, что, приземлившись после скачка, ногохвостка остается точно на месте посадки — если даже попадет на гладкое стекло. Этому способствует выделяемая ею липкая жидкость, играющая роль присоски.

Счастливый оборвыш

С виду *тряпичник* неказист, что и говорить. Собственно, как раз самого вида-то и нет, так, нечто бесформенное, трудноразличимое на взгляд — какие-то жалкие обрывки, лохмотья… Но при всем том на свое рубище тряпичник нисколечко не в обиде. Заберется в самую чащобу морских водорослей — попробуй разгляди, рыба это или просто трава подводная? Счастье оборвыша — в спасительной бесформенности, иллюзию которой помогают ему создавать не только особенности строения тела, но также изощренная маскирующая расцветка.

Форма тела — одна из наиболее распространенных подоплек имен животных.

Если тряпичник имитирует отсутствие формы в целях, так сказать, личной безопасности, то простейшее одноклеточное — амеба и действительно не имеет постоянного облика. Греческое имя ее происходит от слова «амоибэ», *изменение*. Значит, амеба — *изменчивая*.

Но, оказывается, и одна-единственная живая клетка может все-таки обладать формой.

Например, инфузория *туфелька*, строение которой изучают в школе на уроках биологии, поразительно похожа по своей конфигурации на женскую обувь, название которой ей присвоено.

Другая инфузория — крупная, красивая жительница пресных вод — *трубач* напоминает по форме хорошо всем известный музыкальный инструмент. Правда, есть нечто, отличающее ее от туфельки и роднящее с амебой: в потревоженном состоянии тело трубача в долю секунды резко сокращается и становится шарообразным. Потом, через несколько секунд, форма восстанавливается.

Раскроем «засекреченный» смысл знакомых каждому рыбьих кличек: вобла — *круглая* (от старого «обьла», родственного также словам «волна» и «вал»); ерш — *игла, шип, гвоздь*; палтус и плотва, тезки, — *плоские*; щука — *щуплая*; севрюга — *остромордая* (сравните с татарским «севрук», *острая*).

У *ланцетника* веретенообразное тело, а хвостовой конец имеет форму наконечника копья или ланцета. Сходство с хирургическим инструментом усиливается еще и оттого, что тело рыбы[12] полупрозрачно и имеет металлический отлив.

Имя *рыбы-курка* требует более пространных пояснений. У нее удивительно устроен спинной плавник, состоящий из трех длинных шипов. В спокойном состоянии рыба их прячет, причем

второй шип входит, сложенный, в бороздку на первом, а третий — в такую же бороздку на втором. Все три шипа уютно уложены в специальном желобке на рыбьей спине. В момент же опасности рыба-курок поднимает свои шипы, при этом второй из них подпирает первый, и тот торчит, словно острое шило, готовый к боевым действиям. Оборона построена!

Рыба *вялый лист*, населяющая реки Бразилии, — по внешности точная копия листка тополя, в наличии даже характерные прожилки и «черешок» — особый отросток на нижней губе. Маскировка под тополевый листок дополняется еще и тем, что вялый лист плавает в наклонном положении.

На Цейлоне водится рыба косколайя — *лист хлебного дерева*. В минуту опасности она моментально опускается вниз головой на дно водоема, похожая как две капли воды на намокший и тонущий листок хлебного дерева.

Большое разнообразие форм и среди моллюсков. Назовем особенно выразительных улиток — *блюдечко, пеликанья нога, бочонок, зонтик, конус, устричное сверло, шарик, шишак, олива, арфа, епископская шапка, катушка, морской гребешок, морское ухо*... Очень похож на соответствующий орган проживающий в Средиземном море и в Атлантике моллюск *морское сердце*.

Надо сказать, что и само название класса перечисленных животных многозначительно: моллюски — *мягкотелые* (от латинского «моллюскус» — *мягкий*).

Иглокожие — тоже довольно точное обозначение уже не класса, а типа живых организмов. К ним относятся, в частности, *морские звезды*, в самом деле имеющие вид звезд, по большей части пятиконечных. Известно около 900 видов *морских огурцов* (название дано еще натуралистом древности Плинием) — их называют также *морскими кубышками*. Если к ним прикоснуться, их тело сильно сжимается, приобретая сходство либо со старинной кубышкой, либо с обыкновенным огурцом. Впрочем, возможно, не только форма навела на сравнение с огородным овощем, но и тот факт, что многие из кубышек съедобны и издревле использовались в пищу.

Песчаными долларами именуют в США плоских морских ежей, напоминающих по виду монеты. По сравнению с долларами настоящими эти, морские, имеют то несомненное преимущество, что могут не опасаться инфляции, то есть обесценивания…

Актиния (от греческого «актос», «актинос», *луч*) — коралловый полип, имеющий форму мешка с отверстием на верхнем конце тела, которое окружено щупальцами, напоминающими лучи.

Медуза получила свое имя благодаря студенистому телу в

форме колокола или зонтика со змеевидными отростками. В древнегреческой мифологии Медуза — *змееволосая дева*.

Русское название другого морского животного — губки восходит к общеславянскому слову «губа», *набухший*, родственному литовскому «гумбас», *шишка, нарост*. В некоторых диалектах русского и в других славянских языках сохраняется «губа» в значении *губка, гриб*.

Очень своеобразный тип живых организмов — *мшанки*. По большей части это неподвижные животные, обитающие колониями и очень похожие по внешности на обыкновенный мох.

Класс *насекомых* объединяет живые существа, для которых характерны насечки, отделяющие один членик от другого.

Величайшие мастера мистификации — насекомые отряда *привиденьевых*, или *палочников*. Они могут быть похожими либо на сучок, либо на отдельный листочек. Есть виды привиденьевых, которые напоминают куски древесной коры, для пущей натуральности они даже покрыты «лишайником», а то изображают моховую подушечку. Гигантский индонезийский палочник в полном соответствии со своими внушительными размерами имитирует крупную ветку дерева. У *листовидок* — широкое и уплощенное тело, а надкрылья разрисованы жилками. Целям маскировки у палочников служит буквально все: соответствующая окраска, конфигурация тела, строение наружных покровов.

Не менее удивительно замаскирован тропический кузнечик по прозвищу *странствующий лист*. Когда он сидит неподвижно, то совершенно неотличим от настоящих листьев.

Гусеницы бывают всякие — и мохнатые, и совершенно голые. Однако за свою русскую кличку все они поголовно должны благодарить именно волосатых собратьев, потому что слово «гусеница» означало в старину *волосатая*. Имя прошло довольно сложный путь от родственного слову «усы» — «усен» (сравните также «заусеница»), развившего позднее начальное «г».

Общеславянское имя слизняка происходит от «слизь» (сравните также со «слеза») и имеет родство со средневерхненемецким «слик», *грязь*.

Одна из стрекоз — *коромысло* — названа так из-за сходства с известным орудием труда домашних хозяек.

У насекомых *фонарниц* — вытянутая в длинный конус лобная часть головы, у некоторых видов очень схожая с фонарем.

Имя птицы павлина французское по происхождению («павильон» — *палатка, шатер*): распущенный веером огромный и красочный хвост его и вправду сравним с шатром.

Птица пеликан может похвастать обширным глоточным

мешком, который использует как сачок при охоте на рыб. Этот удивительный резервуар способен вместить целое ведро воды! А форма мешка-сачка — чашеобразная. От греческого слова «пелекс», *чаша*, и происходит, как считают некоторые специалисты, прозвище птицы.

Самцы индийского крокодила гавиала носят на переднем, расширенном конце морды мягкий придаток. Он напоминает по форме традиционный индийский *глиняный горшок — гхара*. Отсюда и пошло название рептилии — гавиал, испорченное гхариал.

Змеей в шляпе — кобра ди капелло — назвали португальцы одну из самых опасных для человека змей, познакомившись с нею на Цейлоне. Раздутая перед нападением шея кобры, если смотреть на нее сзади, в самом деле определенно напоминает шляпу.

В античные времена натуралисты верили в существование фантастического чудовища, якобы управляющего, подобно самодержцу, всем царством змей на земле. Его прозвали Василиском, *царственным*. Считалось, что у чудовища голова петуха, туловище жабы, хвост змеи и на голове корона. Василиск якобы мог убивать все живое одним своим взглядом. Историк и натуралист Плиний уверял своих читателей, что Василиск в действительности — обычнейшая змея, но только рожденная… с золотой короной.

Конечно, античный Василиск так и остался бы литературной выдумкой, если бы его имя не всплыло в памяти зоологов нового времени, когда понадобилось «выдать паспорт» очень странной по внешности крупной ящерице семейства игуан родом из тропической Америки. Ее голову украшает подобие короны — высокий кожистый гребень, который к тому же ящерица способна раздувать. Этого гребня оказалось достаточно, чтобы назвать животное василиском.

Почти любая из черепах достаточно надежно защищена от хищников: у нее есть броня — крепкий панцирь, в отверстия которого она в случае малейшего намека на угрозу мгновенно прячет уязвимые части тела — голову, лапы и хвост. Да, но отверстия-то остаются ничем не закрытыми! Этого «конструктивного недостатка» лишены некоторые виды пресмыкающихся, которых мать-природа одарила остроумными приспособлениями.

В Юго-Восточной Азии обитают так называемые *шарнирные черепахи*, у которых оба щита панциря — брюшной и спинной — подвижно соединены особой поперечной связкой. К тому же брюшной щит этой же связкой делится на две половинки. В

момент грозящей опасности шарнирная черепаха, напрягая сильные мышцы, подтягивает кверху обе эти половинки и таким способом плотно закрывает панцирь и спереди, и сзади.

Тем же талантом обладают и *коробчатые черепахи*, распространенные в Северной и Центральной Америке. Прочность замыкания панциря у них такова, что между двумя его щитами невозможно просунуть даже тонкую щепочку.

И еще о черепахах, приспособившихся становиться неуязвимыми для врагов. Речь идет о некрупных рептилиях, населяющих водоемы США и соседней Мексики. Их название красноречиво и не нуждается в пояснениях — *замыкающиеся черепахи*.

Голова, ноги, хвост…

Не только внешность в целом, форма тела животного, но и приметные особенности строения отдельных частей его или органов нашли отражение в кличках. Да и как не обратить самое пристальное внимание при первом же, пусть даже мимолетном знакомстве на такие немаловажные «детали» живого организма, как, например, голова, ноги, хвост, глаза, уши, рот, рога, зубы… Тем более что разнообразие их форм поистине неисчерпаемо!

У жука *головача* при коротком теле несоразмерно большая голова. По причине столь же явной диспропорции прозвана головачом и птица, населяющая горные леса Центральной и Южной Америки. У этих жука и птицы немало тезок среди других классов и типов животных.

Вспомним хотя бы обыкновенного *голавля* — весьма распространенную в наших водоемах рыбу с заметно утолщенной по сравнению с туловищем головой. Из того же ряда *головастик*, хотя с головой в данном случае ассоциируется все тело — непомерно толстое и крупное, по сравнению с миниатюрным хвостиком.

Головастая — так переводится с греческого языка на русский название обитающей у нас в Черном море промысловой рыбы кефали.

Французы переняли у португальцев, а из французского перешло в русский язык прозвище одного из зубатых китов — кашалота, переводимое как *рыба с большой головой*. В Толковом словаре В. И. Даля кашалот характеризуется как «вид кита, у которого голова треть всего туловища».

Какой формы голова у птицы *молотоглава* — ясно из ее названия. Если смотреть на птицу в профиль, то очертания ее шеи, головы, клюва и хохолка очень напоминают молоток, которым хоть сейчас можно забивать в стену гвозди…

По крупной голове получила имя другая птица — *китоглав*, но есть у нее и другое, забавное прозвище: *деревянным башмаком* не без юмора именуют китоглава англичане и немцы — на старинную обувь похож массивный клюв птицы.

Жуки рода *скрытноглавов* отличаются глубоко втянутой головой, будто они ее прячут от взоров посторонних.

Любопытен и по внешности, и по повадкам *европейский пробкоголовый муравей*, живущий в древесине дубов и грецких орехов на юге СССР. У самки и у солдат голова почти правильной цилиндрической формы и спереди плоская. Она и сама по себе может наводить на мысль о пробке, но еще к тому же и

используется муравьями соответственно. Своей головой-пробкой солдаты закрывают вход в гнездо. Ни один чужой муравей благодаря столь оригинальной и эффективной охране в гнездо не проберется, перед своим же охрана расступится, чтобы беспрепятственно пропустить его.

Голову слона отличает броская и вместе удивительная ее принадлежность — хобот. Индийцы сравнивают его с рукой, «хат», а самого гиганта они именуют хати — *животным с рукой впереди головы*.

Не только головы, но и рты у животных иногда поражают — или своей необычной, нестандартной формой, или странными пропорциями.

У глубоководной рыбы *большерота* при узком теле невероятно широкая пасть — она вдесятеро шире туловища! В противоположность ему большого муравьеда индейцы племени гуарани прозвали юруми, что значит *малорот*. Пасть у малорота действительно скромных размеров, но уж зато язык побивает все рекорды, простираясь на полметра.

Велико богатство форм носов и клювов в животном царстве.

Рыба *лопатонос* (она водится в нашей стране в реках Амударье и Сырдарье) использует свое плоское рыло как лопату, переворачивая придонные камни, чтобы добыть прячущихся под ними различных червяков и личинок.

Прозвище одного из китов — *бутылконос* — говорит само за себя. Среди летучих мышей находим *подковоноса, копьеноса, листоноса, курносого листобородa*.

У зверька семейства енотовых — *носухи* не просто нос, а носище, и проглядеть его мудрено: на сильно вытянутой морде самый кончик длинного носа находится в постоянном движении.

Утконоса европейцы открыли в период колонизации одной из территорий Австралийского континента — Нового Южного Уэльса, и впервые зверек был упомянут в отчете, датированном 1802 годом: «Животное-амфибия из рода кротов… Наиболее любопытное его качество — это то, что оно обладает вместо обычного рта утиным клювом, позволяющим ему питаться в иле, как птицам…» О том, что австралийский утконос — совершенно особое, яйцекладущее млекопитающее, ученые узнали гораздо позднее, почти столетие спустя. Что же касается «клюва», то в действительности это мордочка животного, покрытая особенной кожей, очень богатой чувствительными нервами.

Клювы у большинства птиц различаются по форме, о чем свидетельствуют имена *шилоклювки, серпоклюва* и многие другие. У *челноклюва* верхняя челюсть напоминает перевернутую лодку. *Кривоносый зуек*, или просто *кривонос*, может похвастаться перед

сородичами длинным клювом, но не прямым, а загнутым, и не вниз, а вбок, в правую сторону.

Самым удивительным существом из всех обладателей клювов является, несомненно, *разноклювая гуйя*, родина которой — Новая Зеландия [13]. Самец гуйи обладает коротким клювом, а самка — длинным, притом изогнутым. Вероятно, это различие появилось вследствие оригинального разделения труда: самец отрывает кусочки древесной коры, а самка извлекает из образовавшейся щелки спрятавшихся там насекомых.

А какая разнообразная коллекция глаз могла бы получиться, если бы удалось собрать в одном месте всех примечательных по этому признаку существ!

От слова «око» происходит русская кличка окуня. Он — *глазастик*.

Кличка рыбы тетрафтальмуса переводится как *четырехглаз*. Правда, глаз у нее не четыре, а два, как и положено. Только верхняя часть каждого глаза приспособлена для обозрения пространства над водой, а нижняя — для подводного зрения. Обе части разделены перегородкой, вот и получаются как бы два глаза в одном. Большую часть времени четырехглаз проводит на поверхности моря. Он выставляет наружу, словно перископы, верхние части глаз и может одновременно следить за появлением врага или добычи в обеих средах.

Русское имя миноги — переделка немецкого «нойнауге», *девятиглазка*. Кроме одного глаза и одной ноздри, расположенной сбоку, по другую сторону от глаза, у нее есть еще семь жаберных отверстий, напоминающих органы зрения. Неопытные люди при ловле миног нередко принимали их за дополнительные глаза, отсюда название рыбы.

Как и миноги, всего по одному глазу имеют веслоногие рачки, названные *циклопами* по имени великана из древнегреческой мифологии.

А как прикажете понимать имя *безглазого большеглазого паука*, чья родина — гавайский остров Кауаи? Нет ли тут ошибки? С научной точки зрения, однако, все обстоит просто. Да, странный субъект по всем статьям относится к семейству большеглазых пауков. Но с тех неведомых пор, когда постоянным местом его жительства стали пещеры острова, он постепенно утратил глаза за их полной ненадобностью в пещерном мраке.

Название зубра связывается в нашем представлении со словом «зуб», однако имя дикого быка означает *рогач*. Дело в том, что в древности славянское «зуб» одновременно означало и «рог». Один из оленей также носит похожую кличку: *изюбрь*.

Греческое «кераос», *рогатый*, в паре со своим фонетическим

вариантом «цераос» стало родоначальником прозвищ разных животных. «Корова» берет начало непосредственно от «кераос». В латыни же «цераос» превратилось в «цервус» и стало названием оленя. Далее, латинское «цервус», придя в измененном виде в русский язык, стало обозначать серну.

Природа — большая шутница, никогда не угадаешь заранее, чем она может удивить. Индийский представитель винторогих антилоп носит имя — *четырехрогая антилопа*. Кроме нормальной пары тонких и чуть изогнутых рогов, самцы этого вида довольно часто несут на передней части лба еще и вторую пару. Обычно это короткие, до 3 сантиметров высотой, и близко поставленные рожки.

По хвостам названы рыба *долгохвост*, утка *шилохвость, скат-хвостокол*. У рыбы *кривохвостки* кончик хвоста как бы надломлен.

В необычном нашем путешествии по анатомическим частям живых организмов добрались мы, наконец, и до ног, или лучше и точнее сказать — органов передвижения, потому что как же иначе быть с лапами, щупальцами, клешнями?

Согласитесь, копыта у птицы — это уже нечто из области фантастики. Однако обыкновенную саджу не случайно окрестили вторым именем — *копытка*. У нее широкие пальцы с плотными подушечками на подошве оперены и сращены вплоть до самых когтей, отчего и создается впечатление не то заячьей лапы, не то даже маленького копытца.

Очень меткое прозвище получили *головоногие моллюски*: у них ноги-щупальца как будто растут прямо из головы. Повод для прозвища *осьминога* ясен: у него именно 8 ног-щупалец, ни больше ни меньше. У родственницы осьминога — каракатицы их 12, но в кличке число не отражено: каракатица — просто *ногастая*.

По существу, тезкой осьминога может считать себя сидячая медуза *восьмирук*, поскольку и «руки», и «ноги» — всего лишь условные обозначения щупалец.

Общеславянское имя паука образовано с помощью приставки «па» от «онк», родственного греческому «онкос», *крючок*, латинскому «анкус», *имеющий кривые руки*, древнеиндийскому «акати», *сгибает*. Стало быть, паук — *криворучка*, или *кривоножка*.

Лягушка названа по длинным задним лапам, точнее — бедрам, *лягам*.

Сидячая форма кишечнополостных живых организмов носит общее имя, греческое по происхождению, — полип, то есть *многоног*. А сколько же ног у *сороконожки*?

«Сороконожки, стоножки, тысяченожки, — писал известный

естествоиспытатель А. Брем, — и, наконец, просто многоножки — вот под какими названиями известны эти членистоногие, — говорят энтомологи. — Но все же ни одна многоножка не имеет тысячи ног, хотя сотня-другая их и бывает: известны многоножки со 172 парами ног…»

И наконец, что представляет собой *гусь полулапчатый*? Неужто лапы у него ополовинены?

У этого гуся, который распространен в Австралии, а также на Новой Гвинее, совсем негусиные ноги. Во-первых, они более длинные, чем у прочих гусей. Во-вторых, между передними пальцами просматриваются лишь зачаточные перепонки. В-третьих, длинный задний палец находится на одном уровне с остальными. Зато у полулапчатого гуся длинные когти, и он может запросто лазать по ветвям деревьев. Вот каков этот удивительный гусь — еще одна шутка природы!

Великаны и карлики

Рассказ о великанах животного царства по справедливости надлежит начать с абсолютных чемпионов — китов. Еще древние греки изумились при виде исполина, потому и назвали его почтительно и вместе с тем опасливо — кетос, *морское чудовище*. Это «кетос» в русском языке превратилось в «кит».

Самые крупные габариты зарегистрированы у синего кита: он достигает длины 33 метра и веса — более 150 тонн, превышающего суммарный вес сразу пятидесяти наземных гигантов — африканских слонов.

Имеются еще и чемпионы, так сказать, относительные — сравнительно с прочими родственными видами из ближайшего окружения.

Таков жук *голиаф*, названный по имени мифического великана и силача: он вырастает до 10 сантиметров в длину и 6 — в ширину. Еще внушительнее выглядит жук *геркулес*, кличка которого тоже пришла в зоологию из мифологии. Самец геркулеса вымахивает в длину аж на 15 сантиметров. Однако великаном из великанов среди всех жуков земного шара надо признать распространенного в долине Амазонки *дровосека-титана*, протяженность тела которого составляет 18 сантиметров.

В Северной Америке имеет постоянную прописку *лягушка-бык*, достигающая веса 600 граммов. Она съедобна, и на нее охотятся, причем применяют на охоте удочку, сети и даже настоящее ружье!

Признанным же чемпионом среди квакушек является *голиаф*, передние лапы которого не уступают по ширине запястьям человека, а задние еще того мощнее и мускулистее. Самые крупные экземпляры макси-лягушек весят 6 килограммов, а в длину превышают полметра. Голиафы обитают в африканской стране Камеруне. Необычайные размеры голиафа, а возможно, и какие-либо местные верования стали причиной уважительного африканского прозвища великана — виамоа, *мать лягушек*.

Наши предки славяне и слыхом не слыхивали о таких живых громадинах, как слон, бегемот, носорог. Поэтому не удивительно, что они с большим уважением относились к знакомому животному — *волу*. В имени его та же основа, что и в словах «великий», «вельможа».

При упоминании дупеля в памяти всплывают знакомые с детства строчки Некрасова:

В августе, около «Малых Вежей»,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Кличка этого кулика — немецкого происхождения. Она представляет собой сокращение первоначального «доппельшнепфе», буквально означавшего *двойной бекас*. Столь хитроумным способом немцы хотели подчеркнуть солидные, сравнительно с другими промысловыми куликами, размеры этой птицы.

Если есть великаны, то должны существовать и карлики.

Антилопа-малютка достигает в высоту лишь 35 сантиметров, а весит до 9 килограммов. Приручennую, ее совсем не обязательно вести с собой на веревочке: малютка уместится в хозяйственной сумке, с какой обычно ходят за провизией…

Кролик-пигмей — самый маленький из сородичей, 25-сантиметровый.

Белки-мошки не превышают в длину 11 сантиметров. Еще миниатюрнее (7—10 сантиметров) так называемые *белки-крошки*.

Самый же маленький зверь планеты — *карликовая белозубка* из семейства землероек. Длина всего ее крохотного тельца колеблется в пределах 3,5–4,5 сантиметра, а масса смехотворно мала — полтора грамма!

Представитель семейства *жуков-карапузиков* обычно не перерастает более 1 сантиметра в длину.

Название бабочки *моли* стоит в одном ряду с «молоть» и «мелкий».

Имя стерляди обычно объясняют как русское заимствование из немецкого языка, где «стерлинг» — *маленький осетр*.

Не более чем на 25 сантиметров в длину вырастает *карликовая акулка*. Конечно, при таких габаритах она не способна напугать даже ребенка.

В переводе на русский имя «шпроты» значит *маленькая рыбка, молодь*.

А вот еще забавные варианты лилипутских прозвищ: *краб-горошинка* и моллюски *горошинки*.

Непосвященный человек, услышав имя *малой большой синицы*, наверняка подумает, что его разыгрывают. В самом деле, что же такое получается — она и маленькая и большая сразу?! Однако для специалиста-орнитолога недоразумения не существует. Просто вышеназванная птичка, относящаяся к виду больших синиц, является самым миниатюрным подвидом среди своих ближайших родственниц.

Вся королевская рать

В поистине неисчерпаемом реестре имен живых существ попадается и немало таких, которые обязаны происхождением военной терминологии. Пользуясь этим набором кличек, попытаемся дать простор своей фантазии и изобразим некое поле битвы накануне готового разгореться грандиозного сражения…

Окунь-горнист подал сигнал к выступлению, и к намеченным позициям направляются первыми походные ряды личинок *ратного комарика*. Пешие ратники движутся медленно, но неотвратимо. Их извивающаяся колонна похожа на змею десятисантиметровой ширины, да и длина строя впечатляет не меньше. Насекомых гонит вперед неутоленный голод: на прежнем месте обитания иссякли запасы пищи. В старые времена суеверные люди, завидев полчища странных переселенцев, начинали в панике ожидать неурожая, войны либо иного какого-нибудь бедствия.

С другой стороны к месту предстоящей «битвы» приближается еще более грозная колонна солдадос — *солдат*, как называют в Мексике кочевых муравьев, наводящих ужас на все живое. Главная их сила — в многочисленности: в одной колонне солдадос может насчитываться до 150 000 «бойцов», и она вытягивается в длину на целый километр!

К тому же кочевые муравьи прекрасно вооружены. Голова каждого — настоящий арсенал: мощные челюсти, острейшая пика, способная пронзить противника насквозь, да еще зубчатые челюстные ножи с мелкой насечкой — ими шести-ногий пехотинец может в мгновение ока перепилить тело врага.

Движение воинственных кочевников неудержимо. Даже широкая полноводная река на пути для них не преграда. Легионеры свиваются в один гигантский шевелящийся клубок, который обладает плавучестью и не рассыпается в воде. В клубке идет постоянная замена нижних муравьев их товарищами из верхнего слоя: промокшие переползают повыше, чтобы обсушиться, и их сменяют свежие силы. Достигнув наконец противоположного берега, кочевники опять строятся и продолжают целеустремленное движение по избранному маршруту.

Зарегистрирован случай (на острове Барбадос), когда полчища кочевых муравьев надвигались на город и их не удавалось задержать или отклонить с маршрута никакими способами. Лишь последнее, решительное средство привело к желанному успеху: на пути колонны рассыпали и подожгли

порох…

До зубов вооружена и *рыба-солдат*, заслуженно получившая воинское звание. Во-первых, все тело ее покрыто колючей чешуей — неплохая защитная кольчуга. Во-вторых, первый спинной плавник состоит из 11–12 острых и крепких шипов-штыков. В-третьих, перед началом анального плавника расположены еще 4 острых шипа-кинжала. А у некоторых видов имеются на вооружении еще и внушительные колючки на жабрах.

Подразделение *синиц-гренадерок* завершает перечень участвующих в сражении пехотных формирований: птиц прозвали так за хохолок на голове — чем не султан из перьев на кивере гренадера!

Кавалерию достойно представляют *гусары*. Полагают, что обезьяны получили это имя по «мундиру» красновато-рыжего цвета. В нашей доморощенной армии гусары делятся на два полка-подвида: *черноносых* и *белоносых*…

Ну а роль нерегулярной, то есть не обученной правильному воинскому строю конницы могут взять на себя лихие *наездники*. Эти паразитические насекомые, откладывая яйца в тело гусеницы, принимают характерную позу: садятся верхом на жертву и как бы стоят в стременах, подгибая брюшко вниз. Сходство с всадником усугубляется тем, что нередко обреченная гусеница при этом продолжает двигаться по своим делам как ни в чем не бывало.

Установить минные поля на вероятных путях движения вражеских войск — задача *минеров*. Так именуют гусениц, которые поселяются внутри листьев и черешков. В своих зеленых убежищах непрошеные новоселы методически прокладывают все новые ходы — мины: пятновидные, звездообразные, трубчатые, змеевидные, спиральные…

Наконец противоборствующие армии изготовились к бою. Сигнал к наступлению доверено подать *трубачам* — родственникам наших журавлей, обладающим громким, далеко слышным голосом. Они выводят один-единственный, часто повторяющийся слог «оу-оу-оу…». Выстроившиеся в ряд трубачи представляют собой довольно красочное зрелище, так как одеты в разные мундиры. Есть в строю музыкантов *обыкновенный трубач* в черно-сером одеянии, есть *зеленокрылый* и *белокрылый*.

Одновременно с сигналом трубачей над полем битвы то тут, то там начинают появляться плотные облачка — это работа артиллеристов животного царства — *жуков-бомбардиров*, выстреливающих жидкую капельку, которая в воздухе мгновенно взрывается. «Снаряды» жука начинены перекисью водорода.

Итак, артподготовка проведена, битва началась!

Параллельно с сухопутным разгорается и морское сражение,

в котором участвуют эскадры *португальских корабликов*. Так принято именовать сифонофор физалий. Физалии напоминают парусный корабль воздушным пузырем, выступающим над водной гладью: он одновременно выполняет роль и паруса, и поплавка, между тем как щупальца морского животного свешиваются вниз на солидную глубину — 20–30 метров. На солнце физалия играет радужными переливами, отсюда и вторая часть ее названия: португальцы в средневековье имели обыкновение ярко раскрашивать боевые корабли.

Здесь же, в самой гуще сражения, отряды *бычков-парусников* и *бычков-корабликов*, у которых первый спинной плавник сильно увеличен (до половины высоты тела) и напоминает корабельный парус.

Гребная флотилия — *гребляки*. У этих быстрых на ноги водяных клопов задние конечности уплощены и густо усажены волосками. Они служат веслами при передвижении.

Исключительно морские, притом преимущественно свободноплавающие организмы носят имя *гребневики*. На теле у гребневика 8 рядов гребневых пластинок, каждая из которых расщеплена снаружи и имеет вид гребня — отсюда название типа животных. Выполняя роль весел, гребные пластинки ударяют по воде и толкают вперед эти своеобразные галеры.

Когда возникает необходимость провести боевые суда в ту или иную гавань, на помощь приходит маленькая рыбка — *лоцман*. Лоцманы обычно сопровождают в море акул.

Найдется и кому командовать боевыми эскадрами. *Адмирал, капитан, мичман* — все это ранги морского офицерства, а в то же время клички; первая — нарядной бабочки, две последующие — рыб. Пожалуй, более всех соответствует своему званию мичман, у которого на теле несколько сот светящихся органов, расположенных вдоль брюха и боков ровными рядами — точь-в точь надраенные до солнечного сияния медные пуговицы морского кителя. Сияние это столь интенсивно, что на расстоянии в 25 сантиметров от пойманного мичмана вполне можно ночью читать газету.

— Ну а где же короли, ведь рать-то королевская? — спросит нетерпеливый читатель. — Разве не им полагалось стоять во главе войска?

Пожалуйста, вот они! Чем не венценосный полководец — *сельдяной король*? Эта крупная, достигающая семиметровой длины и 100 килограммов веса морская рыбина нередко встречается в косяках сельди. Королевское достоинство подтверждает венчик на ее голове.

К числу коронованных особ отнесем также *венценосного*

журавля.

Забавная история у русского имени кролика. Германцы, заимствуя из латыни его прозвище «куникулус», вообразили, благодаря чисто случайному созвучию, будто оно соответствует немецкому «кюниклин», *маленький король*. От них такую трактовку переняли поляки, у которых «круль» — *король*, а уже польское «кролик» пришло в русский язык.

Название птички королька тоже разъясняется как *маленький король*. И это тоже калька с латинского и греческого названия птицы: соответственно «регулус» и «базилевс» в значении *царь*.

Имя порождено легендой о выборе птицами царя. Сначала они условились, что царствовать предстоит тому, кто поднимется в небо выше всех. Малютка-королек схитрил, незаметно пристроившись на спине орла. Не затратив усилий, он в итоге оказался победителем.

Итак, о королях сказано. Но у каждого уважающего себя полководца должен быть рядом на поле боя расторопный *адъютант*. Так зовут обитающую в тропической Африке птицу марабу — за особую, «военную» выправку и торжественную походку.

С обязанностями личного секретаря при высоком военном начальстве призвана справляться птица *секретарь*. У нее на затылке длинный перьевой хохолок, чем она напоминает чиновников прошлых времен, когда в ходу была привычка держать писчие перья за ухом.

Наконец, если понадобится срочно отрядить кого-то с секретным военным донесением, пригодится скорый на ногу *гонец*. Именно таков смысл греческого названия — трематом. Рыба с этим именем отличается особой подвижностью…

Портниха, садовник, печник и другие

В предыдущей главе мы познакомились с «военными» специальностями «братьев наших меньших». Но, разумеется, гораздо больше среди них (не забудем, что речь идет о кличках!) представителей сугубо мирных профессий. О них-то наш дальнейший рассказ.

Птица, недвусмысленно прозываемая *славкой-портнихой*, умело сшивает из двух рядом растущих листьев яйцевидный мешочек для будущего уютного гнездышка. Иголкой ей служит собственный клюв, а нитками — растительный пух или паутина. Несколько коротких стежков — и мешочек, основа гнезда, готов. Можно выстилать его дно соответствующим материалом и праздновать новоселье. Интересно, что в отличие от людей шитье — целиком удел представителей мужского пола славок.

Не чужда, оказывается, ткацкому ремеслу и хищница оса, которая довольно искусно «ткет» свое гнездо. Ее общеславянское имя имеет соответствия в других языках: литовское «вапса», древневерхненемецкое «вафса», латинское «веспа». Современная форма имени, возникшая из «вопса», восходит к тому же корню, что и в древневерхненемецком глаголе «вебен», ткать.

Птица-садовник знаменита тем, что, изготовив вначале оригинальный шалашик (так поступают все шалашники, иначе — беседочницы), разбивает затем перед входом в него настоящий скверик в миниатюре. Территория птичьего сквера заполняется разложенными со вкусом цветами, ягодами, разноцветными камешками — знают садовники толк в эстетике! А весь сквер обрамляет моховой бордюрчик — надо полагать, замена нашего штакетника. Достойно похвалы, что пернатый садовник и в дальнейшем зорко следит за порядком в своем цветнике, каждодневно заменяя привядшие цветы свежими. Занимаются всеми хлопотами исключительно самцы, преследуя при этом вполне конкретную цель — привлечь самок в свои шикарные апартаменты.

О знакомстве с птицей *печником*, которая известна тем, что сооружает печкообразные гнезда, Джеральд Даррелл подробно рассказал в увлекательной книге «Под пологом пьяного леса».

«Примерно после часа езды мы свернули с шоссейной дороги на пыльный, разъезженный проселок, вдоль которого тянулась аккуратная изгородь. На ее столбах я заметил какие-то странные наросты, похожие на засохшую грязь… Я задумался над их

происхождением, как вдруг из одного такого нароста выскочила птичка, очень похожая на малиновку, с широкой грудью и вертлявым хвостом.

…Позднее я убедился в том, что печник — одна из наиболее распространенных птиц в Аргентине и ее гнезда составляют такую же черту ландшафта, как и кусты гигантского чертополоха».

Так же как и ее коллеги по печному ремеслу — люди, птица-печник применяет на строительстве своих гнезд-печей глинозем.

Муравей-жнец питается семенами растений, в том числе возделываемых человеком. В этом случае он может наносить ощутимый ущерб. В начале нашего столетия, как засвидетельствовала статистика, у нас в Заволжье запасливые и по-своему трудолюбивые муравьи-жнецы собирали ежегодно с полей десятую часть всего урожая зерновых, выращиваемого крестьянами!

Жуку-типографу в тесном содружестве с так называемыми *бумажными осами* вполне по силам было бы, пожалуй, выпускать самую настоящую полиграфическую продукцию…

Ходы, которые личинки жука-типографа проделывают под корой дерева, напоминают строчки типографского набора — отсюда название насекомого.

Вышеупомянутые бумажные осы за миллионы лет до человека «изобрели» бумагу, из которой делают свои обширные гнезда. Можно сетовать разве что на ее качество: она груба и внешне напоминает нашу оберточную. Тому есть объективная причина — осы применяют в качестве сырья далеко не первосортную, чаще мягкую, иногда даже гнилую древесину, а то и древесную кору. Однако качество качеством, но куда важнее сам принцип! Что же касается осиной технологии, то она мало отличается от применяемой на наших современных бумажных фабриках.

Оса своими крепкими челюстями отщепляет волокна древесины, мелко перетирает, смачивает водой и клейкой слюной. Нанесенная на основу гнезда масса после высыхания превращается в бумагу, на которой при желании можно писать мягким карандашом.

Ну а в поставках исходного сырья для производства бумаги осам могли бы оказать существенную помощь другие крупные специалисты своего дела — *жуки-дровосеки* и *жуки-пилильщики*…

Из умельцев животного мира назовем и *жуков-точильщиков*. С ними связано суеверие. Многие из этих жуков обладают способностью издавать звуки, причем оригинальным способом: резко постукивая головой о стенки своих ходов в мертвой

древесине. Звуки настолько ритмичны, что их легко можно принять за тиканье спрятанных часов — «часов смерти», как говорили суеверные люди. На самом же деле звуковые сигналы помогают самцам и самкам жуков отыскивать друг друга в сложных лабиринтах. И если уж считать стук дурным предзнаменованием, так лишь того, что квартиру или мебель облюбовали и постепенно разрушают жуки-точильщики. К сведению хозяев — чтобы приняли соответствующие меры.

Отнюдь не престижная, но, согласитесь, совершенно необходимая профессия у *жука-могильщика*. Запах падали он чует на расстоянии в несколько сот метров и тотчас направляется на место происшествия. Если труп оказывается сравнительно небольшим — грызун или птица, — то слетевшиеся со всех сторон могильщики просто закапываются под него и выталкивают землю до тех пор, пока не завершат погребение. Лишь тогда самки жуков отложат яйца, из которых спустя положенный природой срок выйдут личинки, чьей пищей станет заготовленная для них впрок заботливыми родителями падаль.

Развлекать на досуге зрителей — удел компании комиков. Нет среди птиц лучшего мастера воздушных акробатических упражнений, чем *орел-скоморох*, или *фигляр*. У *рыбы-клоуна* настоящий глаз замаскирован перекрещивающимися черточками, зато отчетливо проступают на спинном плавнике контуры глаза фальшивого. Имя *клоун* носит и лемур лори. Почему? Послушаем, что говорит на сей счет знаток — Десмонд Моррис:

«Когда лори ползет, его позвоночник слегка извивается. Это движение и еще потерянное, чудаковатое выражение широко открытых глаз и цветовой маски на морде породили его имя, которое происходит от голландского loeris, что значит «клоун».

В команду шутов и комедиантов надлежит зачислить и своеобразного тропического жука — *бразильского длинноногого арлекина*. Как вы помните, арлекин — одна из масок старинной итальянской комедии, и его непременной принадлежностью было одеяние из сшитых шелковых разноцветных треугольников, а также черная маска. Жук носит похожий костюм…

Имеются в животном мире и свои «служители культа», притом различных рангов — от низших до высших. Это *тюлень-монах* (черновато-коричневый, под цвет монашеского одеяния), *попугай-монах* и *бабочка-монашенка*, обезьяна *капуцин* (хохолок у нее на макушке походит на капюшон монаха-капуцина) и *жук-капуцин*, наконец *рыба-кардинал* (она сама вся синяя, а плавники — красные, красный и синий — цвета кардинальской мантии) и *кардинал* — птичка отряда воробьиных, а также обитающий в тропиках Северной Америки *виргинский красный кардинал*.

С кем поведешься…

Ящерица, по-научному именуемая обыкновенной агамой и обитающая в Африке, известна также под названием *агамы колонистов*. Немецкий ученый Рейхенов писал в связи с этим:

«На Золотом Берегу агамы колонистов живут повсеместно во всех селениях. Подобно домовому воробью, эти пресмыкающиеся связаны с жилищами и жизнью людей… Всюду видишь их здесь на глиняных стенах хижин, на соломенных крышах, на белых стенах, окружающих постройки европейцев, и около них…»

Куда человек — туда следом за ним и ящерица агама. Область ее распространения все время расширяется, распространяясь на участки уничтожаемых девственных лесов, где люди разбивают новые плантации для возделывания культурных растений и возводят свои поселения.

Надо думать, читатели обратили внимание на одно выражение в приведенной цитате: «подобно домовому воробью». Действительно, серенькая и довольно невзрачная эта пичуга не в меньшей, если не в большей степени, чем агама колонистов, привязана к жилищу человека. Недаром же воробей и зовется *домовым*!

Далеко не всем диким животным по нраву обстановка, которая создается в том или ином регионе в результате бурной хозяйственной деятельности человека. Здесь очень многое зависит от их приспособительных возможностей. Так вот, воробей относится как раз к числу немногих счастливчиков, которые научились превосходно уживаться в любых условиях, создаваемых в природе людьми.

Люди постепенно, шаг за шагом осваивали все новые районы, продвигая хлебопашество по направлению к степному югу и к лесному северу. Воробей, словно привязанный, добровольно следовал за ними, прижимаясь к человеческому жилью, где всегда есть обильный корм и места для гнездования — а это позволяет птицам вести привычный оседлый образ жизни. В итоге они проникли далеко на север и обжили совершенно прежде несвойственные им зоны лесотундры и даже тундры. Связь между появлением новых для той местности птиц и русских поселенцев не осталась не замеченной коренными жителями Севера, и недаром якуты прозвали нашего воробышка длинноватым, но образным именем — *птичка, сидящая на углу русской избы*.

Нечто подобное произошло в период колонизации европейскими пришельцами Северной Америки. Там индейцы узнавали о приближении чужестранцев по продвигавшимся на

запад континента «мух с жалами» — завезенных из Европы медоносных пчел. Название пчелы — *муха белого человека* — сохраняется и поныне в языке аборигенов заокеанского материка.

Вместе с человеком расселилась по всем странам и континентам облюбовавшая всякого рода постройки *домовая мышь*.

Кроме животных, которые явно питают слабость к поселениям людей, есть и такие, что смело занимают и сами жилища. Наиболее обычными и назойливыми нашими квартирантами издавна стали *комнатные мухи*. Они — типичные синантропные организмы, то есть тесно связанные с человеком, и в дикой природе, вне поселков и городов, уже не встречаются.

Свинья с зубами на голове

«Им послушны гром и молния, — доносил своему повелителю ацтекский чиновник после первой встречи с неведомыми белыми пришельцами, — и сопровождают их огромные животные, подобные оленям».

«Огромные животные»… И это говорилось о лошадях?! Однако припомним вола-вельможу. Именно таким — великим — казался он в старину славянам. Индейцы тоже не знали у себя на родине животных, которые бы превышали ростом коня!

«Подобные оленям»… Не очень-то удачное сравнение, да опять-таки что поделаешь? Надо ведь было срочно дать высокому начальству хоть какое-нибудь зримое представление о живой диковине, а все на свете познается в сравнении. Конечно, вернее было бы сопоставить лошадь с ослом, например, или с зеброй, или, на худой конец, с верблюдом. Но ни тот, ни другая, ни третий в Центральной Америке не водились. В Южной — там хоть лама имелась, родственница верблюда! Вот и пришлось озадаченному чиновнику довольствоваться тем, что оказалось «под рукой» — оленем.

Впрочем, и завоеватели испанцы тоже оказались не на высоте, когда понадобилось дать характеристику столь же неведомому им местному тапиру. Еще в начале XVI столетия Педро Мартир так описывал это американское животное: «… величиной с быка, с хоботом слона и копытами лошади».

И позднее европейцы нередко попадали впросак, встречаясь в Америке со все новыми незнакомцами. Так, например, случилось, когда конкистадорам пришлось давать имя здешнему плавающему зверьку. Его прозвали нутрией, что по-испански означает *выдра*. Та же судьба постигла другого «американца» — из рода крокодилов. Испанцы не сумели выдумать ничего лучшего, как присвоить ему чужое имя — «эль лягарто», *ящерица*. В свою очередь, неразборчивые англичане, позаимствовав у испанцев это крокодилье прозвище, соединили имя с артиклем и несколько видоизменили его фонетически. С той поры и пошло гулять по свету новорожденное словечко — аллигатор, которым пользуемся и мы с вами.

В порядке восстановления исторической справедливости скажем, что не испанцы были первыми, кто обратил внимание на явную похожесть крокодилов и ящериц. Вот доказательство: буквальный перевод греческого имени крокодила «крокодейлос» — *на камне* (греющаяся) *ящерица*.

В XVII столетии европейские поселенцы на севере Америки

положили начало затяжной путанице, назвав новое для себя животное *мускусным быком*. Его нещадно истребляли — и не только из-за мяса и превосходной шерсти, но и ради мускуса, высокоценного продукта — сырья для парфюмерии. А потом выяснилось, что никакой мускусной железы у животного нет. Мало того: и к быкам-то оно не имеет ни малейшего отношения!

В 1816 году невезучего жителя Арктики переименовали. Отныне он стал именоваться *овцебыком*. Опять-таки не слишком удачно, если принять в расчет, что родственников бородачу следует искать, скорее, среди коз или антилоп.

Точно известно, как родилось, прозвище австралийского животного — *поссума*. Впервые высадившись на побережье Австралии, английский капитан Кук обратил внимание на внешнее сходство чужеземного зверька со знакомым ему американским опоссумом и потому, не ломая голову, решил просто присвоить ему имя заокеанского собрата. Однако при составлении отчета о своем морском путешествии капитан по рассеянности пропустил первую букву слова-имени и вместо «опоссум» написал «поссум». Зоологи довольно скоро разобрались в ошибке, но по размышлении решили не исправлять ее, поскольку обе группы похожих животных — американская и австралийская — в систематическом отношении очень далеки от родства.

Ранее упоминалось о хеттском прозвище пришедшей в Переднюю Азию с центральноазиатских нагорий домашней лошади — «аншу-кур-ра», *осел Востока*.

В отличие от хеттов древние греки были уже достаточно хорошо знакомы с конем, когда повстречались с жителем африканских болот — бегемотом, и поэтому дали африканцу лошадиное имя. Гиппопотам — *речная лошадь*.

Страуса те же греки прозвали струфокамелосом, *птицей-верблюдом*, а щетинистая спина гиены надоумила соотечественников Одиссея наделить зверя этой кличкой, производной от *свинья*.

Один из видов сверчковых зовется *медведкой* — вероятно, по темно-бурой, «медвежьей» окраске спинки в сочетании с «медвежьими» же широкими передними лапами. Кроме медведки, существует в природе и *верблюдка*. Это насекомое своим силуэтом, если смотреть в профиль, поразительно напоминает очертания шеи и головы «корабля пустыни».

«Ала буга» — таково тюркское прозвание тигра. А смысл его — *пестрый бык*.

По описанию знаменитого русского ученого и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая папуасы Новой Гвинеи,

знавшие прежде единственное из всех домашних животных — свинью, дали впервые увиденной корове следующее развернутое и красочное прозвище: *свинья с зубами на голове*…

Ну а что делать, если животное, которое надо как-то назвать, обладает чертами сразу многих представителей фауны? С такой задачей столкнулись в свое время китайцы, пытаясь дать подходящее определение странному существу с оленьими рогами, козьими копытами и длинным, с метелкой на конце, хвостом, как у коровы. И вышли из сложного положения очень хитро. Це-пу-чианг — назвали они удивительное животное, *не похожий ни на одного из четырех*. Под «четырьмя» жители Поднебесной подразумевали оленя, корову, козу и лошадь.

Поясним, что в нынешнее время це-пу-чианг более известен под другим именем, тоже китайского происхождения — ми-лу, а официальное название животного — олень Давида.

По части именных недоразумений и превращений все рекорды побил… слон.

Начать с того, что древнее санскритское имя исполина было «ифа». В семитских языках после добавления к этому заимствованному слову артикля «эль» получилось «эль-ифа», слившееся позднее в «алеф». И этим бывшим слоновьим именем стали именовать… быка!

У семитов прозвище быка взяли древние греки, видоизменив его в «элефас» и приспособив для обозначения «танков древности» — слонов, с которыми уже были знакомы. Римляне впервые познакомились с боевыми слонами лишь во время войн с эпирским царем Пирром, и название гиганта унаследовали от своих противников — греков, опять-таки внеся в него частичное исправление. В результате греческое «элефас» превратилось в латинское «элефантус». Именно в этом последнем варианте с незначительными фонетическими отклонениями слоновье имя вошло в европейские языки. Но только не в русский!

У нас кличка слона родилась тоже не без приключений. Одна из версий о ее происхождении указывает на распространенное у славян представление о диковинном животном далекого и сказочного Юга как о существе, которое не в состоянии сгибать колени и потому вынуждено спать в стойке, лишь прислонившись для лучшей опоры к близстоящему дереву. «Егда хощетъ спати дубе ся въслонивъ спитъ» — можно прочесть в одном из манускриптов XV столетия. От слова «прислоняться» и произошло будто бы русское имя жителя тропиков.

Однако подавляющее большинство исследователей склоняется к мнению, что приведенная версия — всего лишь дань так называемой народной этимологии. Вернее считать кличку

исполина заимствованием. Наши предки, взяв напрокат у тюркских народов название южного зверя «аслан» (так, в частности, оно звучит у турок, у которых «аслан» означает *лев*), переделали его и стали слоном называть совсем не того, кого бы следовало. Путаница объяснимая: русские не были в те времена толком знакомы ни со львом, ни со слоном. Так и оказался слон в русском языке обладателем львиного имени.

Все же и русский язык не избежал близкого знакомства с латинским «элефантусом». И вновь не обошлось без языковых приключений.

Правда, «элефантус» пришел на Русь в искаженном виде, через посредничество языка готов, и звучал уже как «ульбандус», а после повторной переделки превратился в «вельбусд». В последнем уже гораздо, легче признать теперешнего верблюда. Это животное тоже на Руси не водилось, почему и оказалось возможным дать ему при первом знакомстве чужое имя. В русском языке верблюд, таким образом, носит имя слона.

Выбравшись, наконец, из всех этих хитросплетений, мы с изумлением обнаруживаем, что бык, слон, верблюд и лев если и не классические тезки, то уж во всяком случае состоят в весьма близких «родственных» отношениях…

Не назвать ли нам кошку кошкой?

Есть у С. Я. Маршака стихотворение «Отчего кошку назвали кошкой?». Стихотворение это шуточное, и рассказывается в нем о том, что

У старика и старухи
Был котеночек черноухий,
Черноухий
И белощекий,
Белобрюхий
И чернобокий.
Стали думать старик со старухой:
— Подрастает наш черноухий.
Мы вскормили его и вспоили.
Только дать ему имя забыли.

Старик со старухой старались изо всех сил, придумывая кличку своему черноухому: туча, ветер, стена и даже… мышка. И лишь когда они зашли в совершеннейший тупик, старика неожиданно «осенило»:

Не назвать ли нам кошку кошкой?..

Впрочем, шутки шутками, а на практике не раз случалось, что люди — то ли по неосведомленности, то ли в силу случайного стечения обстоятельств — называли-таки тех или иных животных абсолютно неподобающими именами. Ближайшим примером может послужить *уховертка*. Если отнестись к ее прозвищу с полным доверием, то она непременно должна вертеть ушами или — другой вариант — вертеться в чьих-то ушах. И правда — безобидное насекомое в старину пользовалось в народе худой славой. Многие темные люди полагали, что уховертка имеет сквернейшую манеру беспокоить спящего человека, заползая ему в уши, а при случае даже — о ужас! — прорывает барабанную перепонку, лишая тем самым несчастную жертву слуха.

Ученые авторитетно по этому поводу заявляют: абсолютная напраслина. Питается это некрупное, не более 4 сантиметров в длину, насекомое растительными остатками и мелкими насекомыми. Так что залезать в уши, а тем более вредить человеку уховертке совсем ни к чему.

Заблуждение ученые сумели рассеять и «вину» с уховертки сняли, а между тем несправедливое, обидное прозвище так по сию пору за ней и остается[14].

Сумеречная птица *козодой* — объект столь же необоснованного обвинения. Пищу птицы составляют различные бабочки и жуки, которых она ловко ловит на лету. Однако неразборчивая молва приписывает козодою действия, с точки зрения человека, совершенно противозаконные: он будто бы по вечерам бесшумно подлетает к пасущемуся на лугу стаду и, цепляясь клювом за вымя коз и коров, выдаивает животных себе на потребу и в ущерб хозяевам.

Незаслуженно обидели несведущие люди птицу *дикушу*, обитающую в лесах нашего дальневосточного Приморья. В действительности она не только не дичится человека, но, напротив, поразительно доверчива, поэтому охота на нее превращается в простое снимание птиц с веток петлей, привязанной к палке. Потому-то местные жители и прозвали дикушу гораздо более приличествующей повадкам и характеру птицы кличкой — *смиренным рябчиком*.

«Кошкой-стеной» в известной степени следует признать *белого носорога*. В действительности толстокожий великан двухметрового роста имеет ровную темно-серую окраску без единого белого пятнышка. Ошибка в названии произошла, как предполагают, в результате искажения бурского слова wijde (широкий, широкомордый), которое англичане, малосведущие в фауне Южной Африки, по созвучию приняли за white (белый).

К числу анекдотических можно отнести и историю рождения клички руконожки мадагаскарской — *айе-айе*. Первым из европейцев это животное открыл в 1780 году путешественник Пьер Соннера. И надо же было случиться такому: сами коренные жители острова — мальгаши никогда прежде не видели обитателя лесных глубинных дебрей, обнаруженного дотошным европейцем. Сгрудившись вокруг пойманного животного, они громкими возгласами «айе-айе» принялись выражать свое неподдельное изумление. Ну, а легковерный Соннера принял возгласы туземцев за местное название своей живой находки.

«Я назову тебя зоренькой…»

Это, как известно, строчка из популярной песни. Кажется естественным, что лирический герой не жалеет для любимой девушки самых красивых и приятных имен-сравнений. Он поочередно называет возлюбленную «реченькой», «звездочкой», «зоренькой», «солнышком», «радугой», «радостью».

Пристрастное, можно даже сказать, любовное отношение человека к «братьям нашим меньшим» сквозит и в некоторых именах животных. Иные из них уже встречались в книге — например, ласточка, о других речь пойдет в этой главе.

Начнем с группы имен, в самом морфологическом строении которых заложена эмоциональность. Русские названия с уменьшительно-ласкательными суффиксами сегодня могут и не восприниматься таковыми по своей привычности, но в старину они непосредственно отражали снисходительное или предпочтительное отношение к тому или иному зверьку, птичке, насекомому. Таковы кузнечик и галка, жаворонок и ласка, тушканчик и белка, зуек и сойка, улитка и губка, мотылек, чайка и еще многие и многие другие существа.

К тому же разряду относится и кошка, хотя ее история несколько сложнее.

Считают, что имя кота славяне заимствовали из латыни, где «каттус» означало *дикая кошка*. Попытки ученых-лингвистов доискаться более глубоких корней этого имени в языках нубийском и древнеегипетском (а именно с Египтом и Нубией связано приручение и одомашнивание кошки) пока что результатов не дали. До XIV столетия это домашнее животное женского пола именовалось у нас «котка», эта старинная форма и сегодня сохраняется, например, в болгарском и польском языках. А в русском она уступила место слову «коша». Это была уже ласковая кличка, достаточно сравнить с «Саша» или «Маша». Позднее к слову добавился ласкательный суффикс «ка», в результате «коша» превратилась в нынешнее «кошка».

Таким образом, в имя нашей старинной пушистой квартирантки уже вложено немало ласки, и поэтому сегодняшнее еще более нежное «кошечка» свидетельствует о как бы дополнительном усилении благорасположения людей к мурке.

Окуклившуюся гусеницу бабочки мы называем *куколкой*: действительно, крепко спеленутая, она напоминает любимую игрушку маленьких девочек. По-украински ее прозвище звучит еще ласковее — *лялька, лялечка*.

Имя одного из муравьедов — мико дорадо, *золотая*

крошка, — несомненно, свидетельствует о благосклонном отношении к нему людей. Другие народные клички того же животного звучат не менее трогательно: *шелковый муравьед, цветочек бальзы, хвала богу*[15], *сверканье ночи*.

Прелестный — так переводится с арабского языка название яркоокрашенного, длинношеего и длинноногого, с маленькой головой и миниатюрными рожками на лбу, с черными глазами, окаймленными пушистыми ресницами, чрезвычайно грациозного жирафа.

Очень точно и вместе с тем поэтично охарактеризовал пятнистого оленя писатель Семен Шуртаков:

«Умные, почти человеческие глаза и чуткие уши, стройные и сильные ноги, нежная шерсть — светлая, бежевая под грудью и на боках и похожая на попону, красноватая на спине. И не пятна вовсе, а чудесные белые цветы раскиданы по этой красноватой «попоне». Недаром же китайцы именно так и назвали это редкое грациозное животное: хуа-лу — олень-цветок!»

Прежде упоминалось поэтичное прозвище южноамериканских птичек — *белые цветы*. У них есть и другое имя — бентевео, *рад тебя видеть*. Сколько вложено в него нежности и теплоты! Согласитесь, велико должно быть очарование белогрудой пичуги, если она получила такой замечательный титул из уст человека!

Название бегающей птицы нашей степной полосы *дрофы-красотки* — опять-таки свидетельство нескрываемого любования человека совершенным созданием матери-природы. То же относится и к прозвищу *журавля-красавки*, птицы на диво стройной и украшенной характерными косицами из белоснежных перьев.

Около 40 видов насчитывает семейство *райских птиц*, о существовании которых первым из европейцев узнал известный путешественник Магеллан. Он получил их в подарок от одного из султанов при посещении Молуккских островов. В Европу сведения об этих пернатых красавцах доставил преемник Магеллана — капитан Эль Кано. Сведения были щедро сдобрены фантастическими подробностями. Считалось, например, что райские птицы всю свою жизнь проводят в полете, никогда не садятся на деревья или на землю даже в период насиживания птенцов: в этом щекотливом случае одна птица якобы предоставляет в качестве живого гнезда для другой самое себя. Чтобы поддержать легенду, а заодно и фантастические цены на привозимых в Европу райских птиц, торговцы нарочно отрубали бедняжкам ноги[16]…

В действительности райские птицы не отличаются от других пернатых ничем, кроме изумительно яркого и многоцветного

оперения.

Голова и шея птицы *изумруд*, например, ярко-зеленые, а на роскошном хвосте — широкие поперечные полосы: красная, желтая и перламутровая. У другого вида — ярко-красные «штаны», черный бархатистый «жилет» и «мантия» золотистого цвета. Еще один вид райских птиц с претенциозным именем *эрцгерцог Рудольф* отличается сапфировым оперением и розовыми полосками на грудке.

Европейцы выразили свое восхищение диковинными птицами, назвав их райскими. Впрочем, гораздо раньше, чем пришельцы из Европы, необычайной красоте пернатых отдали дань малайцы, наделив их похожим по смыслу именем — *манук девата*, птица богов. Папуасы же именуют райских птиц тоже восторженно — *дети радуги*.

В мире насекомых никто не может соперничать в красоте с бабочками.

Одна из них, небольшая, с размахом крыльев всего 3–4 сантиметра, именуется *зорькой* — и как тут не вспомнить строку из песни: «Я назову тебя зоренькой…» У самцов этой бабочки верхняя половина передних крылышек окрашена в нарядный ярко-оранжевый цвет.

А чем хуже имена других бабочек — *перламутровка, павлиноглазка, большая переливница*?

Традиция восхищения бабочками восходит к временам Древнего Рима. Римляне искренне верили в то, что эти порхающие с цветка на цветок насекомые — сами части растений, оторвавшиеся от них…

(Кстати, с особой любовью относился к бабочкам создатель первой научной систематики животных Карл Линней. Подыскивая названия для отдельных видов их, он очень часто обращался к древней мифологии. Так зоологи поступали и в дальнейшем. В результате многие бабочки носят имена героев и богов: *аполлон, киприда, ио, гектар, менелай, нимфалиды, сатиры, атлас, артемида* и так далее.)

* * *

Вот и подошла к концу встреча с «знакомыми незнакомцами» — представителями столь близкого человеку и столь еще мало известного ему животного мира. В самом деле, разве мало удивительного открылось нам в повадках, образе жизни, истории даже тех четвероногих, пернатых, чешуйчатых, о которых, казалось бы, человек давно и много знает? И разве ученые разных

стран не продолжают обнаруживать все новые и новые «чудесные» их свойства? А ведь есть еще живые существа, и по сей день являющиеся загадкой для науки. В заключение скажем о двух из них, тем более что они носят особенные и дающие повод для размышлений имена.

Первое из них — *спорная гадюка*. Почему вдруг — спорная? Да опять же потому, что образ жизни этого пресмыкающегося в природных условиях известен ученым еще очень мало. Плохо изучены и объяснены и некоторые особенности ее строения. И вот редкий вид рептилий по сию пору остается во многом загадочным. Думается, не навечно: непременно должен наступить день, когда спорная гадюка станет в глазах ученых абсолютно бесспорной и получит наконец законное право иметь настоящее и постоянное, а не временное и случайное имя.

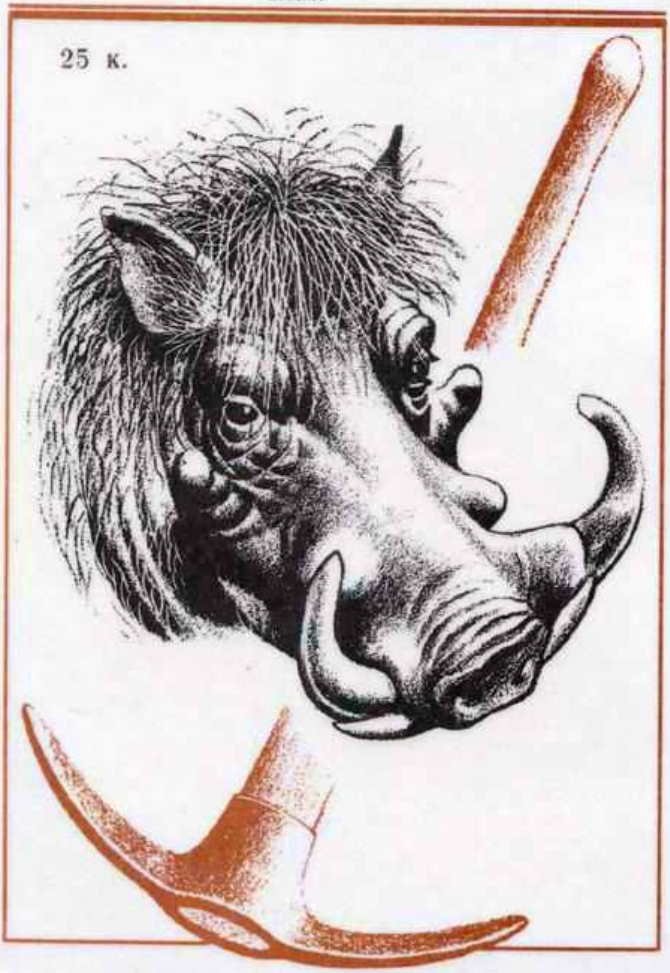
Второе животное — *кенения удивительная*. Это очень мелкое паукообразное животное, в длину не превышающее 2 миллиметров, обитает в почвенных скважинах. Удивительного и даже парадоксального немало как в строении организма кенении, так и в образе ее жизни.

Кенения явно отдает предпочтение воздушной среде, насыщенной водяными парами, и в то же самое время терпеть не может капельной влаги, поскольку ее наружные покровы слишком легко смачиваются, что может иметь гибельные последствия. Далее, у кенении нет органов дыхания, она дышит непосредственно через поверхность тела. Рудименты брюшных конечностей играют у нее роль органов чувств, воспринимающих влажность среды — это, как уже отмечалось, жизненно важно для кенении. Ротовой аппарат ее настолько своеобразен, что наводит на дерзкую мысль о совершенно особом способе питания, не свойственном ни одному из известных науке животных.

В различных описаниях кенении беспрестанно употребляются выражения типа «очевидно», «по-видимому», «быть может». И все эти оговорки венчает печальный вывод: к сожалению, мы еще мало знаем об этих удивительных существах[17].

ЧЕЛОВЕК ДАРУЕТ ИМЯ

Пламенная птица — фламинго. Знакомьтесь: диадемовая черепаха. Сурок — тот, который посвистывает. На что жалуется чибис? Аист-разиня, жук-притворяшка и другие. Где живет горшочная змея?



notes

Примечания

1

Имеется в виду фаэтон — *В. П.*

2

Лабария, или кайсака. «Жёлтой бородой» (barba amarilla) её называют по-испански. — *В. П.*

3

В русском языке их гораздо чаще называют мартышками. — *В. П.*

4

Собственно, само название *геккон* также является подражанием крику одного из их видов. Звукоподражательным является название известного тропического геккона *токи. — В. П.*

5

Зверёк пищуха относится не к грызунам, а к зайцеобразным. — *В. П.*

6

Коты — женская обувь.

7

Аисты-разини, правда, обитают очень далеко от России: один вид в Африке и на Мадагаскаре, а второй вид в Юго-Восточной Азии. — *В. П*

8

В русском языке такой рыбы как-то не наблюдается, но вот в английском языке идентичное по смыслу название *headstander* носят харациновые рыбы хилодус и аностомус, которые часто плавают именно вниз головой. — *В. П.**

9

Фаэтоны названы по имени героя древнегреческих мифов Фаэтона, сына бога солнца Гелиоса. Интересно, что ископаемый фаэтон носит название Heliadornis, «птица Гелиад». — *В. П.*

10

Речь идёт о научном названии *Hylobates*. — *В. П.*

11

Пядь — расстояние между кончиками вытянутых указательного и большого пальцев. Измерение длины пядями как раз напоминает движение гусеницы пяденицы. — *В. П.*

12

Ланцетник является представителем хордовых, но к рыбам он не относится. — *В. П.*

13

Разноклювая гуйя вымерла в начале XX века. — *В. П.*

14

Не такое уж оно несправедливое: ещё одним поводом для названия этого насекомого послужил способ складывания его крыльев. Это отражено в названиях на иностранных языках, например, на английском. — *В. П.*

15

Название *хвала богу* этот зверёк получил за характерную защитную позу: вцепившись в ветку задними лапами, он вскидывает передние лапы с когтями вверх и застывает в такой позе, похожей на взывание к божеству. — *В. П.*

16

Живых райских птиц в Европу не ввозили, а вот шкурки их действительно попадали к торговцам уже без ног. — *В. П.*

В оформлении книги использованы рисунки Л. Хесса.